

The background of the entire page is a romantic illustration. It depicts a man and a woman standing on a grassy hill, silhouetted against a large, bright, glowing sun. The sky is a mix of deep blue, purple, and orange, with wispy clouds. The overall mood is serene and romantic.

Сделать правильный выбор

Ирина Лемешева

Ирина Лемешева

Сделать правильный выбор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70318432

SelfPub; 2024

Аннотация

Героиня повести, пережив развод, круто меняет свою жизнь. Ее ждет много разочарований и непонимания в личных отношениях. Но настоящая дружба, желание научиться воспринимать жизнь, не заикливаясь на неприятностях, помогают ей двигаться вперед и обрести свое счастье.

Содержание

1	5
2	21
3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ирина Лемешева

Сделать правильный выбор

– Ну, ма, ты даёшь, – дочь посмотрела на нее взглядом, в котором было намешано всего понемногу: недоверие, удивление, лёгкое любопытство, сомнение, неприятие. И все это было обильно сдобрено соусом из разочарования и лёгкого презрения.

– Ты вообще понимаешь свое положение? Свой статус? Да, она понимала. И положение, и статус. Понимала, но предпочитала не озвучивать.

Какая разница?

"Что значит имя?"

Роза пахнет розой.

Хоть розой назови, хоть нет."

Шекспир был ее союзником и думал так же, как она.

1

Ее дочь была замужем. Официально и давно. Счастливо? Удачно? Скорее нет, чем да. Когда женщина счастлива в браке, она не будет восклицать с апломбом: зато у моей дочери есть отец!

Отец. Ещё одно название. Ещё один статус, на этот раз мужчины.

В ее глазах ее зять не был ни отцом, ни папой.

Ей много не рассказывалось – дочка была достаточно закрытой, не из тех, у кого душа нараспашку. Как-то посетовала на это подруге, когда ее Ляльке было уже четырнадцать.

Людмила была доморощенным психологом: прочла кучи статей и книг по психологии, увлекалась астрологией и эзотерикой.

– Оставь ребенка в покое, – протянула Людмила нраво-учительно. – Она такая. Бережет свое личное пространство, выставляет границы. Ты ее не переделаешь, да и зачем? И заканчивала глубокомысленно:

– Все люди разные. Яблоко от яблоньки недалеко падает, но укатиться может так, что и не найдешь. Кроме того, гены ещё никто не отменял.

А гены в ней не только твои.

Так тактично намекала Людмила на гены ее бывшего мужа.

Они разошлись, когда Ляльке исполнилось 21 год , и она выпорхнула из дома. Вышла замуж и поселилась со своим Владом в каком-то мошаве. Полтора часа, если без пробок – вроде и не расстояние. Да, наверное, не расстояние, если есть машина и много свободного времени. А если ни того и ни другого?

Тогда остаётся телефон. Зато съём дешевле, и ребенок растет на природе.

Так считал Влад – отец Вики, ее единственной внучки, которой скоро исполнится восемь.

Они завязли в этом мошаве, среди этой природы, даже не помышляя о покупке квартиры. Она бывала там нечасто, а если быть честной, то очень редко. И далеко, и нет прямого автобуса, и ощущение, что ее визиты не доставляют никому особой радости, разве, что Викуле, которая водила ее гулять по этой природе с видом заправского экскурсовода.

В эти редкие визиты ей в глаза бросалось все то, что Лялька пыталась скрыть.

"Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу". Кажется, в ее детстве была такая песня. Во всяком случае, мелодию она помнила прекрасно.

Ее со своим неповторимым акцентом пела Эдита Пьеха. Так и она – старалась не видеть и не слышать и тем более не говорить. Память хранила фразу из любимого миллионами фильма: не учите меня жить, лучше помогите материально. Материально помочь она не могла, а потому – Эдита Пьеха.

Зато – у ребенка есть отец.

Собственно, и ее дочь выросла в полной семье. В полной и вполне себе благополучной. Такими виделись они окружающим. Контрапунктом этого благополучия были ее навязчивые мысли о разводе.

Нет, первые лет пять было все нормально. Потому, что была маленькая Лялька, не вылезающая из соплей и ангин. И не было ни времени, ни возможностей на оценку своей семейной жизни. Антибиотики и витамины, фрукты и закаливания – это были главные темы, заполонившие ее мир, всю ее – без остатка.

Переезд в новую страну с морем и изобилием этих самых фруктов, как ни странно, только усугубил ситуацию: Лялька стала лютым аллергиком. Да и как можно не быть аллергиком в стране, где круглый год что-то цветет – цветы, кустарники, деревья.

А на фоне этого цветения на страну спускается хамсин, когда в воздухе висят тонны пыли и песка, а зелёный цвет светофора превращается в синий. И тогда дом задраивается, как корабельная рубка, врубается кондиционер и выпиваются литры воды. Параллельно с кондиционером включается увлажнитель воздуха – круглосуточно и ингалятор – каждые четыре часа.

Вот так и случилось – не до себя. Эти ингаляторы и увлажнители, эти бесконечные аптеки и врачи стали ее зоной проживания. В перерывах бегала по уборкам – жить-то надо, а

на одну зарплату мужа это было невозможным. Образование филолога здесь не котирировалось, и как его применить она не очень-то представляла.

Подрастала и потихоньку выползала из своих болезней Лялька, которая в новой стране стала Яэль. Да, она по-прежнему выходила из дома только с ингалятором, но это уже был другой ребенок, не требующий ежеминутного внимания и заботы. Немного отпустила тревога. Стала брать больше уборок – платили хорошо.

А потом в какой-то момент поняла: хватит, сколько можно? Надо же хоть немного подумать о себе.

По совету одной своей клиентки взяла курс ассистента зубного врача.

Как же тяжело далась ей эта учеба! Закончила, получила диплом. Ей даже повезло сразу устроиться в клинику. Работа посменно. И недалеко от дома. А вот доктор – выходец из Шотландии – оказался тем ещё подарком. Ей было трудно – и работа оказалась совсем не та, которую она себе представляла, и невозможность, несмотря на все ее старания, наладить отношения с человеком, с которым приходилось по полдня проводить в закрытом пространстве.

Он был специалистом своего дела, но она не понимала этих клиентов, которые были согласны лечиться у человека, совершенно не умеющего улыбаться. Эта депрессивность тяжёлым облаком висела в воздухе их прекрасно оборудованного кабинета, и, выходя на улицу, она с облегчением взды-

хала, словно вырвавшись на волю. Потихоньку начала понимать, почему с такой лёгкостью нашла это место. Желаящие не стояли в очереди.

Жаловалась подруге.

– Ну, ты даёшь, – пожимала плечами Людмила. – Столько учиться, чтобы потом вот так мучиться? Слушай, а, может, тебе врача поменять? Найти какого-нибудь, который умеет улыбаться, разговаривать, может быть, даже шутить?

– Не знаю, – она обречённо вздыхала. – Тут дело не только в нем. В целом, все не мое. Совсем.

Мужу не жаловалась и даже не особо рассказывала, заранее зная, что не встретит ни понимания, ни сочувствия.

А чего сочувствовать? Прекрасная квалифицированная работа, четверть часа ходьбы от дома. Совсем неплохая оплата. И работа не физическая, в чистоте; летом прохладно, зимой тепло.

– Ты посмотри на других, – как-то сказал он ей в ответ на попытку рассказать о своих ощущениях. – Да на свою Людмилу хотя бы посмотри. Это же не работа, а сумасшедший дом!

С Людой они были знакомы с улыпана, домой им было по дороге, так и сблизились, болтая о том – о сем.

Она первая в группе стала подрабатывать на уборках, пропуская занятия и беспечно улыбаясь:

– Иврит и так придет, куда он денется. Не в Перу живём. А деньги нужны сегодня.

Она приехала с двумя совершенно немощными родителями и сыном с особенными потребностями. Через пару лет определила его в спецзаведение, куда сама пристроилась на "подай-проводи-принеси".

Именно так, скороговоркой, называла она свою работу. А что? В своем городе, автобус прямо от дома на эту тихую улочку на окраине. Зато Алечка присмотрен. Но активная натура Люды не могла ограничиться одним видом деятельности. Да и зарплата была не особенно какая. И она влезла в какой-то сетевой маркетинг. Утонула в нем с головой. Чувствовалось, что бывшая учительница сольфеджио и муз литературы, рассказывавшая в детской музыкальной школе о строении трезвучий и периодах в творчестве Баха, нашла свою нишу.

И пошла пропаганда, смешанная с рекламой.

– Маруся, ты только потрогай мои руки, это шелк просто, а не руки.

Я таким кремом в жизни не пользовалась. А шампунь какой поступил! Запах, как будто ты в розарии. Ну, не хочешь себе – хоть Ляльке возьми. Я не заставляю, – поспешно добавляла она. – Просто рекомендую.

Шампунь она тогда взяла. Запах и правда, как в розарии, но за такие деньги...

Но народ хотел шелковые руки, пахнущие розами локоны и много ещё чего другого, что предлагала эта международная компания.

Алечка подрос, и Людмила полностью ушла в бизнес.

Маша понимала, что подруга бодро шагает вверх по карьерной лестнице. Компания нередко устраивала какие-то слеты, съезды, конференции – в Стране и за рубежом.

Какое-то время Люда звала Машу, но та вяло отбивалась. устала, нет времени и просто не хочется.

К работе привыкла: что делать – не у всех есть любимое дело, а для чего же существуют хобби? Правда, и многочисленными хобби она не могла похвастаться: ходила на народные танцы в ближайший клуб. Женская компания, приятные песни, плавные движения – все это напоминало какую-то коллективную медитацию и совершенно освобождало голову от ненужных мыслей. Записалась через пару лет после развода, который пережила на удивление спокойно. Даже тот факт, что муж предпочел ей другую, совсем не ранил и даже не задел. Видимо, де факто они разошлись уже давно, а сейчас только узаконили этот свершившийся факт.

А ещё через пару месяцев увидела объявление в витрине магазина сумок: требуется.

Зашла и как-то сразу поняла: вот здесь, в этом уютном бутике, ее место, здесь ей хочется работать, улыбаться покупательницам, предлагать им новые коллекции и не чувствовать себя запертой, словно в камере без окон.

Оставила данные, и через неделю ей позвонили : не раздумала ли?

Шотландец с местным именем Даниэль отпустил ее без

объяснений, словно заранее знал, что этим дело кончится, и терпеливо выжидал. А проработала она с ним не мало.

Пять лет после развода, которые она называла "первой пятилеткой", подарили ей главное: наполнили каким-то внутренним покоем и убежденностью — она все сделала правильно и вовремя. И закончила эти, по сути, пустые отношения, называемые замужеством, и нашла новую работу.

Одно мешало: дочка так далеко. И внучка — маленькая Викуля. Солнышко, которое нельзя обнять, посадить на коленки, спеть про гусей и про козу рогатую. Надышаться ее запахом, научить игре "сорока-ворона", потрясти "по кочкам-по кочкам".

Болело сердце за Ляльку — она так хорошо успевала в школе, да и в армии была на высоте, а сейчас сидит библиотекаршей в этом мошаве. Хотя, ей вроде, нравится. Ей нравится все, что нравится ее мужу. И это ее дочка, такая боевая и ершистая в детстве, знавшая, что она хочет уже в два года. Смешно подбиравшая носочки под цвет костюмчика, упрямо срывавшая с головы шапочку. Ее Лялька, прошедшая службу без нытья и жалоб, и ко всеобщему удивлению, так рано выскочившая замуж.

— Зато у Викули будет молодая мама! — восклицала она с гордостью. — А то приходят к нам в библиотеку с детьми и не понять — то ли мама, то ли бабушка?

Это был камешек в ее огород — она родила дочку почти в тридцать; так получилось, а если точнее — до тридцати не

получалось. Безо всяких причин. Просто нет – все.

А потому Маша кивала: молодая мама – это хорошо, даже замечательно. И Викуля – это, конечно, главное. А выучиться никогда не поздно. Было бы желание.

Порой ее посещали мысли, что ни при чем ни природа, ни цена на съем их домика в мошаве. Просто зять непонятно почему хотел оторвать от нее дочку и внучку.

Когда Вика была маленькой, она старалась бывать там раз в неделю. Пекла солнечный бисквит с румяной корочкой, делала куриные котлетки в золотистой панировке. Нежное, взбитое миксером пюре: картошка пополам с бататом, немного молока и сливочное масло. Все это в сумку – тяжело, но терпимо. Приезжала в пятницу к обеду.

Лялька накрывала на стол: ее гостинцы и пара салатов.

Влад накидывался на котлетки с аппетитом, правда, никогда не хвалил и не благодарил.

Как-то она рискнула сказать дочке, что еда эта совсем не для мужчины. Мужчине надо что-то более существенное, а не эти диетические котлетки. Их можно заморозить, и Викуле будет на несколько дней.

Лялька в ответ возмутилась: ты что думаешь – что Викуля голодает? Их в садике нормально кормят. И вообще, ребенок не должен думать, что он центр Вселенной и что весь мир крутится вокруг него.

Это порочное воспитание.

Она тогда растерянно замолчала. Постепенно пришло по-

нимание, что в семье ее дочери место центра Вселенной занято и отнюдь не ее внучкой.

Она не могла понять, как этот мужлан с грубыми чертами лица, квадратным подбородком и невыразительным взглядом мог околдовать ее дочь. Она не переносила его голос, его манеру разговора – лишенную каких-либо эмоций.

Чувствовала, что ее ночёвки с пятницы на субботу в тягость и постепенно стала приезжать реже.

Людмила сочувствовала:

– Что поделать, Маруся, жизнь – она такая, полная непонятков. Но у тебя есть, чем утешиться – Ляльке хорошо, а это главное. Ты о себе подумай. Свою жизнь устраивай, пока годы не убежали. Да-да, а на меня не смотри. У меня родители на руках, Алечка в заведении, бизнес этот сумасшедший – поездки бесконечные, звонки, встречи. Какой мужчина это будет терпеть? Никакой. А ты создана для семьи. Живешь одна, хозяйка – каких поискать, рабочий день нормативный. Симпатуля ко всему. Находка просто.

Она усмехалась:

– Находка, которую никто не может найти.

– А что ты хотела? Сидишь там, в своем магазине, да туда мужики вообще не заглядывают, а если заглядывают, то чтобы купить что-то своей жене. Самой надо шевелиться, искать. А сайты на что? Зайди, поинтересуйся хотя бы.

Зашла, поинтересовалась, осталась в легком недоумении. Да она слышала выражение, что всех хороших мужиков ещё

ценками разбирают, но чтобы такое...

Было очень много претендентов без фотографий и рассказов о себе в подробной анкете, где нужно было ответить на такие душещипательные вопросы, как:

что для вас наивысшее счастье? Есть ли у вас домашние питомцы? Каково ваше расположение духа в данный момент и даже: возбуждает ли вас порнография? Так вот, эти молчуны в своем профиле отделялись одной короткой фразой: мужчина ищет женщину.

– Женатики, – прокомментировала Людмила. – Любители сходить налево без обязательств. Не вздумай. Оно тебе надо?

Другие подробно отвечали на все вопросы анкеты, расписывая кто в прозе, а кто и в стихах, свой богатый внутренний мир, любовь к классической музыке и театру, путешествиям и книгам. Почему-то такие тонкие, образованные и разносторонние мужчины ставили фотографии, на которые было больно смотреть: жуткие селфи где-то в лифте или на берегу моря. Пивные животы, одутловатые лица, тотальное отсутствие улыбки или наоборот – улыбка на все лицо и полнейшее отсутствие интеллекта в глазах.

– М-да, – удрученно протянула Людмила, которой она как-то показала эту галерею претендентов. – Грустно, девушки. Если честно, я и не ожидала. Вот что происходит, когда ищем возрастного мужчину. Лет двадцать назад они, наверняка, выглядели иначе.

– Да, и мы тоже, – грустно протянула Маша.

– А ну, убрать этот тон, – шутливо скомандовала Люда, – Ты подойди к зеркалу. Мы и сейчас – ого-го!

И добавила:

– Женщинам, безусловно легче. Макияж, косметика, причёска, одежда. И это не говоря об аксессуарах. Женщина, если она нормальная, всегда стремится подать себя в лучшем свете. И не одна из нас не поставит на всеобщее обозрение вот такую провальную фотографию.

Она ткнула пальцем в фото какого-то мужика, читать о богатом внутреннем мире которого уже не хотелось.

Что было общего между всеми этими потенциальными женихами? Они искали женщин моложе себя на 15-20, а то и 25 лет.

Это почему-то возмущало Людмилу до глубины души.

– Тридцать шесть! Господи! Ну, написал бы уже: богат, бездетен, ищу девушку на предмет удочерения и передачи наследства в недалеком будущем.

– Вот видишь, во что ты меня втравила.

– Джека Лондона читала? Сколько руды надо было намыть, чтобы наконец что-то блеснуло на дне корыта.

– Сита, – поправила Маша.

Людмила застыла на мгновение.

– Неважно. Пускай будет сито. Вот и представь себе, что ты золотоискатель. Сколько ты там? Полгода ещё не прошло. Год протянешь?

Год она не протянула.

Ей написал очень симпатичный и весьма интеллигентный на вид. Настолько симпатичный, что она дала свой телефон. Он оказался выходцем из Прибалтики, вдовцом, с двумя своими сыновьями и ещё двумя – от второй жены. А ещё – капитаном третьего ранга и подводником с высшим образованием. И к тому же – бывшим военным советником в Анголе, прожившим там 15 лет на вилле с личным шофером, уборщицей и поваром.

– Ого! – восхитились Людмила. – Какую рыбку ты поймала! Сплошные достоинства. С таким счастьем и на свободе! Надо срочно встретиться и выпить кофе.

– Не позвал, – Маша драматически вздохнула. – Вернее, позвал, но я тогда не смогла – грипповала. И вот уже почти месяц каждое утро солнышко, цветочки, бабочки, сердечки и поцелуйчики на ватсапп. А голос такой проникновенный, ему бы фильмы дублировать. Мелодрамы. Он меня Машей ни разу не назвал. Машенька, Манечка, Машуня, Машунечка, Машута. Я тут пока болела, так каждое утро вопросы о самочувствии и пожелания скорейшего выздоровления. С сердечками и в шесть утра, заметь. Хорошо, что я смартфон на ночь выключаю. В общем, потихоньку меня начало подташ-нивать от этого потока меда. Короче, не верю я во всю эту лирику. Не верю и все. И с сайта внезапно ушел, закрыл свой профиль. Что как-то странно, если не подозрительно.

Людмила понимающе кивнула:

– Да, тут я с тобой согласна. Что-то уж слишком много

достоинств на одну конкретную единицу населения. Может, брачный аферист какой-то?

– Вот и я об этом.

– А зовут как?

– Гарри, как принца наследного.

И вот уже несколько дней, как нет ни сердечек, ни цветочков.

– Отцвели уж давно хризантемы в саду, – с чувством продекламировала Людмила. – А что ты, написала?

– Ага, – улыбнулась Маша. – Решила быть подстать капитану третьего ранга. Поинтересовалась, как делишки, не случилось ли чего у бывшего военного советника в Анголе.

– А он?

– А он надиктовал целую речь. Замотался на работе, в его международной компании какой-то многомиллионный проект и куча внеурочных часов. И как я ему нравлюсь, но он понял, что не готов на сегодня к близким отношениям. Не созрел. Да хочешь – сама послушай, специально для тебя оставила, не стерла.

– Не надо, не надо, я тебе верю, – Людмила замахала руками. – Да, яркий экземплярчик. И что ты?

– Да ничего, пожелала удачи и заблокировала его на ватсапп, а заодно и свой профиль удалила с сайта. Нечего там делать, поверь мне.

– М-да, – Люда сконфуженно повела плечами. – Втравила я тебя.

– Да что ты! Ты здесь вообще не при чем. Отрицательный результат – это тоже результат. И вообще – я фаталистка.

– Не твое твоим не будет...

– А твое тебя найдет, – с улыбкой закончила их любимую фразу Маша.

– Точно, – подмигнула Людмила. – А пока – чего бы нам учудить? Застоялась ты там, в своем бутике среди сумок и чемоданов.

– Ну, за тобой мне точно не угнаться, с твоими конференциями, съездами, слетами. Что там ещё у вас?

– Это да, у нас всего много. Думаешь, я на все еду? Это и расходов куча, и родителей часто оставлять одних не могу. Это поначалу вау! А потом надоедает вся эта мишура, все эти полеты-чемоданы-отели ну, и все остальное. Эти толпы народа, улыбки и речи. Ты же знаешь, я человек камерный, мне что-то где-то на природе, в уголочке, в тишине.

– Это ты-то камерный? – засмеялась Маша. – Ну, тогда я вообще скрипка соло.

– Или флейта-пикколо, -

Людмила на мгновение задумалась.

– Знаешь, есть идея. У нас тут намечается мини-слет в Эйлате. В октябре. Такой небольшой, в основном будут только местные деятели. Народу немного, приедут с семьями. Тебе на этих лекциях присутствовать не обязательно, зато составишь мне компанию в комнате. Гостиница чудная, нестандартная – домики на разных уровнях среди зелени. А меж-

ду этими домиками такие машинки бегают. Их так смешно называют: тук-тук. Ресторан у бассейна, еда прекрасная, в общем, все на хорошем уровне. Цена вполне божеская. Мы там были пару раз. Тебе точно понравится. И октябрь для Эйлата – бархатный сезон.

Маша задумалась.

– Да-да, ты сейчас скажешь – а работа? Знаю-знаю. А у меня на это уже ответ в кармане лежит: работа не волк, в лес не убежит. Незаменимых нет. И всего-то на четыре ночи. Согласна?

Гостиница действительно оказалась нестандартной: на входе – скульптура улыбающегося слона размером с настоящего слонёнка, по всей территории, похожей на джунгли, рассыпаны фигурки Будды: на перилах многочисленных лестниц и лесенок, на траве под кустами и даже в номере на подоконнике. Такая атмосфера востока. Маша никогда не была в Таиланде, но почему-то представляла его именно так. И тишина. Никаких детей, которые уже вернулись к учебе после каникул, никакой толкотни и очередей за завтраком, а главное – совершенно пустой пляж, до которого пешком пару минут. Холодная вода, не привлекающая отдыхающих. Впрочем, пловчихой она не была, загорать не любила, а вот пройтись по влажному песку – это самое то. Да и просто устроиться на лежаке с книжкой, делая вид, что читаешь, хотя в такой обстановке не читалось абсолютно. Хотелось просто лежать, полуприкрыв глаза, не думая ни о чем, наблюдая за набегаящим волнами, мерный шум которых так расслаблял и успокаивал.

Где-то, совершенно в другой плоскости, остался ее город, ее работа, какие-то звонки под грифом "надо". Здесь все эти "надо" и "должна" словно кто-то стёр, оставив чистый лист, наполненный тишиной и красотой морского пейзажа.

Она была благодарна подруге, вытащившей ее из душного

города, из которого даже в октябре не желало уходить лето.

В это утро она позавтракала пораньше: хотелось посидеть на пляже, пока еще не было жарко. Привычно устроилась на лежаке: темные очки, шляпа, закрывающая пол-лица, открытая книга, которую читать совсем не хотелось. А хотелось подремать или просто полежать в полной тишине, не думая ни о чем.

– Я не помешаю?

Маша неопределенно пожала плечами – пляж общий. Хотя лежаков полно, для чего нужно приклеиваться к незнакомым людям?

– А мы с вами знакомы, – словно отвечая на ее мысли, произнес мужчина, устраиваясь на лежаке в метре от нее.

– И как вы это поняли, интересно? – не удержавшись, подколола она.

– Я вас ещё в ресторане узнал, – словно не замечая ее тона произнес мужчина.

– Интересно, – Маша сняла шляпу, прикрывающую лицо и сдвинула на лоб темные очки. – Вы точно не обознались?

– Нет, что вы. У меня хорошая память на лица.

– Вы, наверное, были пациентом доктора Даниэля Каплана? – внезапно догадалась она.

– А вот и нет. Все намного проще. Я покупал у вас дорожную сумку, где-то пару месяцев назад. Впрочем, вы навряд ли меня помните, у вас все покупатели на одно лицо.

– Что-то припоминаю, – протянула Маша.

Она действительно вспомнила этого мужчину, долго выбиравшего сумку и проверяющего на крепость ручки. Вспомнила потому, что он совершенно не интересовался ценой, а вот качеством – даже очень. А самое главное – мужчины не были ее покупателями, а точнее – составляли мизерный процент от всех тех, кто переступал порог ее бутика. Даже чемоданы почему-то приходили покупать женщины.

– Вот и замечательно, – оживился мужчина. – А раз мы уже знакомы – давайте знакомиться по-настоящему.

Он с улыбкой протянул руку:

– Аркадий, но можно Арик.

– Мария, но можно Маша.

– Очень приятно. А почему вы не там? – он помахал рукой в сторону гостиницы. – Я знаю, сегодня очень насыщенный день, много лекций. Или вы не из деятелей?

– Угадали, не из деятелей, – легко ответила она. – Я тут с подругой, а вот она...

– Да, я видел за завтраком, они с моей женой шапочно знакомы. Людмила, по-моему.

– Да, Людмила, – удивлённо протянула она. – Какой тесный мир.

– И не говорите. В этом братстве все друг друга знают, все так или иначе где-то сталкивались.

– Так, вы тоже сопровождающий?

– Ну, да, если можно так выразиться. Почетный экскорт. Я тут с женой, – торопливо добавил он. – Она вообще-то

большую часть времени живёт в Прибалтике. Объясню при случае, если вам будет интересно.

Он торопливо посмотрел на часы:

– Начало девятого, скоро начнет припекать. Вы завтракали?

Она кивнула. Она выходила к завтраку первой, чтобы провести эту пару прохладных, наполненных свежестью, часов возле моря.

– А что потом? Будете плавать и загорать?

– Нет, это совсем не мое – ни плавать, ни загорать. Займусь медитацией.

– Серьезно? – он с интересом посмотрел на нее.

– Шучу, почитаю в номере. Делать здесь совершенно нечего.

– Да, от центра далеко. Море – единственное развлечение.

Он помолчал.

– Маша, а вы не составите мне компанию? Я дочке должен смартфон взять, она мне даже адрес дала, куда подъехать. Да и вы сможете закупиться, если что-то нужно. Эйлат, грех не воспользоваться. Я здесь с машиной. Быстренько съездим в центр, а потом до обеда сможете почитать или заняться медитацией. Поехали?

Она задумалась на мгновение. А почему бы нет?

– Хорошо, только переоденусь. Я быстро. И Людмиле надо ватсапп отправить, чтобы меня не искала.

До центра доехали быстро. Так же быстро нашли нужный

магазин, где купили смартфон для дочки Арика. Пошатались по центру, заглянули в каньон, где Маша выбрала для Вики сарафанчик и симпатичный ночник. Яэльке взяла духи, решив, что духи лишними никогда не бывают.

Потом они прошлись по набережной, между столиками со всякой ерундой: кораллы, рапаны, морские звёзды, ракушки и различные изделия из них: бусики, браслетики, подвески. Не сговариваясь, остановились возле палатки, где продавались ловцы снов, украшенные ракушками – мелкими и покрупнее.

– Возьму Неточке, она любит такие штучки, повесит на балконе.

– Внучка?

– Нет, дочка, уже взрослая, но барахольщица, каких поискать.

– Женщины все барахольщицы, – кивнула Маша.

– А себе, себе вы ничего не возьмете?

Маша задумалась.

– Вот, пожалуй, этот рапан.

Она приложила его к уху, как детстве, чтобы услышать шум моря.

– Заверните пожалуйста, только понадежнее, – обратился Арик к продавцу, протягивая деньги. – Мелочь, конечно, просто сувенир на память о нашей с вами прогулке, – произнес он, передавая Маше пакет.

Потом они долго сидели под зонтиком в кафе, выбрав сто-

лик рядом с вентилятором, гоняющим теплый воздух. Выяснилось, что оба любят клубничное и лимонное мороженное..

– Ну, если у нас даже вкусы сходятся, то у меня есть предложение перейти на "ты". Надеюсь, я не опережаю события?

– Нет, конечно. Мы же в Израиле, тут все на "ты", без церемоний. Я уже привыкла.

Они сидели, болтая обо всем и ни о чем, не задавая никаких личных вопросов.

И Машу на мгновение обожгла мысль: как давно у нее не было такого общения, когда с человеком просто легко. Нет, просто и легко, а ещё тепло. И не при чем тут эйлатская жара.

В машине они молчали, думая каждый о своем.

Паркуясь на стоянке для гостей отеля, он спросил:

– Ты на каком уровне живёшь?

– Не знаю точно, но высоко.

– Я тоже высоко, значит будем вызывать тук-тук.

Эта, то ли тележка, то ли машинка, приехала мгновенно.

Они уселись рядом, и шофёр – молодой смуглый парень улыбнулся им: поехали.

Он, видимо, был прирожденный гонщик, вынужденный в силу обстоятельств работать при этой гостинице: машинка развила бешеную скорость, ее кидало из стороны в сторону и заносило на поворотах. На одном из поворотов Машу просто швырнуло на ее спутника. Она физически почувствовала что-то, подобное электрическому разряду и испуганно отпрянула, еще крепче вцепившись в металлический

поручень.

– Ну, и водитель нам попался, просто американские горки какие-то, – пробормотала она.

– Все хорошее быстро кончается, – улыбнулся Арик, помогая ей слезть с машинки. – Немного экстрима в жизни не повредит. А номера наши на одном уровне. Вот твой домик, а вон там за углом – мой. Есть ещё время покурить и оправиться перед обедом. Спасибо за компанию, Маша, было очень приятно пообщаться. Ты замечательная собеседница.

– Взаимно.

Они чинно пожали друг другу руки, избегая встречаться взглядами.

В номере было прохладно, бесшумно вращался под толчком вентилятор и было лень встать, принять душ и переодеться к обеду.

Она лежала, смежив веки, не думая ни о чем, в какой-то полудреме, которую иногда нарушали мысли о недавней прогулке.

Аркадий. Мужчина, с которым она провела полдня. Совершенно незнакомый мужчина, угостивший ее мороженым и подаривший ей рапан – крупный, белоснежный, причудливой формы, так искусно созданной природой. Найти такой на пляже практически невозможно, может, где-нибудь, в экзотических странах, но не у них, в Эйлате.

Аркадий. Папа дочки с ивритским именем Нета. И муж

жены, живущей почему-то в Прибалтике. Эти размышления сменялись полудремой, а потом она провалилась в сон.

Разбудил ее голос Людмилы:

– Спишь или притворяешься? Ну, ладно, спи, я в душ. Через час обед.

Маша потянулась, посмотрев на часы: почти два. Сколько же она спала? И как это, оказывается приятно вздремнуть днём – в обычной жизни у нее такой возможности не было.

Люда вышла из душа, закутанная в полотенце, и с тюрбаном на голове.

– Ну, рассказывай, – обратилась она к Маше, вытирая голову. – Тебя, оказывается, одну нельзя оставить. Куда ездила? С кем? Что купила?

– Отвечаю: Яэльке купила духи, Викуле – сарафанчик и ночник в ее комнату. Все на столе, посмотри, одобряешь?

– Сарафанчик классный, я бы сама от такого не отказалась, духи хорошие, стойкие, и аромат лёгкий, ненавязчивый – как раз для лета, у меня такие были когда-то. А это что? – она развернула рапан, вытащив его из пупырчатого пакета. Приложила к уху.

– Рапан, – односложно ответила Маша.

– Не рапан, а рапанище, – уважительно заметила Людмила. – Необыкновенно крупный экземпляр. И цвет... Где добыла?

– Мы были в центре. Там на набережной этого добра навалом.

– Мы, – хмыкнула Людмила. – С этого места поподробнее пожалуйста.

– Да нет никаких подробностей. Съездили в центр, прошли по базарчику на набережной, заскочили в каньон – сарафанчик оттуда как раз. А потом поели мороженое. Все.

– Это все детали, Маруся. С кем ездила?

– С кем? Его зовут Аркадий. У него взрослая дочь и жена, с которой ты, вроде бы, знакома. Она почему-то живет в Прибалтике. Тоже из ваших деятелей. Вот и все, пожалуй.

– Жена в Прибалтике, говоришь? И мы с ней знакомы? – Людмила на мгновение задумалась. – Неужели с мужем Алины ты сегодня гуляла?

– Ну, гуляла, это, наверное, громко сказано. Просто прошвырнулись в центр. Он здесь с машиной, вот и попросил составить компанию. Ничего такого.

– Такое в первый день не бывает, – подмигнула Людмила.

– Ой, Люда, давай без глупостей, я в душ.

К обеду они вышли поздно, а потому зал ресторана был полупустой. Аркадия она увидела сразу – он сидел за большим столом в окружении нескольких женщин.

– Вон та блондинка с распущенными волосами – это Алина, – шепнула ей Людмила. – Она у нас высоко взлетела. Очень амбициозная, успешная. Начинала в Израиле, а сейчас базируется в Прибалтике, Вильнюс, по-моему. У нее там офис уже много лет.

– Как это? – не поняла Маша. – Она постоянно там, а дочь

и муж здесь?

– Ооо! – протянула Людмила. – В нашем бизнесе и не такое бывает. Сколько пар разбежались, ты даже не представляешь! Мы тут все друг о друге много чего знаем. Такая тузовка, сложно что-то утаить. Я знаю, что Алина захотела, чтобы ее дочка получила образование в Израиле. А у Аркадия твоего здесь бизнес какой-то. Вот так и живут, на две страны, встречаются на наших конференциях, может, и ещё где-то. Семья 21-го века. Не самый ужасный вариант, кстати. Плюсов много. Посмотри, как воркуют.

Маша подняла глаза и неожиданно встретила взглядом с Аркадием. Это было каких-то пару мгновений, которые показались ей вечностью.

– Маруся, я здесь. Ты меня слышишь вообще? Суп сегодня – фантастика! Грибной. Возьми, не пожалеешь.

– Да, конечно, уже иду. Тебе принести добавки?

Наливая суп, она услышала за спиной:

– Как дела? Успела отдохнуть и помедитировать?

Она обернулась, встретила с ним взглядом, и снова эти несколько мгновений показались ей вечностью.

– Да, отдохнула и даже вздремнула, спасибо, – она ответила нейтральным голосом, стараясь стряхнуть с себя наваждение. – Вот, за супом пришла, подружка посоветовала. Грибной.

– Обожаю грибной, надо попробовать. Да, Маша, у меня к тебе предложение. У наших деятелей завтра очень плодот-

творный день – прямо с утра. Людмила не рассказывала?

Она отрицательно покачала головой.

– Значит, не успела. И вот я тут подумал – а не съездить ли нам в Тимну? Я там был очень давно, а октябрь – это как раз подходящее время для этого места. Летом там делать абсолютно нечего.

Маша растерянно пожала плечами:

– Это далеко?

– Когда есть машина и желание – нет такого понятия – далеко.

Там очень красиво, поверь, хотя, может быть, ты там уже была?

Она молча покачала головой. Это было ее третье посещение Эйлата за столько лет жизни в Стране.

Первый раз они ездили втроем через какое-то белорусское общество. Гостиница без звёздочек, крошечный бассейн, но столько радости. Лялька тогда была маленькая – лет семь-восемь. Они посетили все возможные аттракционы этого курорта, и она наслаждалась счастьем в глазах дочери.

А потом была поездка вдвоем с мужем – с его работы. Лялька тогда была в армии. И это тоже было лето. Но тогда она считала дни до возвращения домой.

– Знаешь, Маша, – голос Арика прервал ее воспоминания. – Есть такие ситуации в жизни, когда лишние раздумья ни к чему. Надо просто согласиться, без рассуждений. Просто сказать – да.

Она изучающе посмотрела на собеседника: интересно, она не ожидала, что он может быть таким напористым. И это, совершенно неожиданно, ей понравилось.

– Ну, хорошо, я просто говорю да, – Маша улыбнулась. – Во сколько выезжаем?

– Вот и замечательно. Давай пораньше приходи на завтрак, к открытию. Быстренько перекусим и тронемся, до жары. Ой, пока я тебя уговаривал, наш суп, наверное, остыл.

Он произнес это с таким сожалением, что Маша рассмеялась:

– Ладно, до завтра.

– Ну, почему до завтра? Мы ещё на ужине увидимся.

На ужине его не было.

Людмила заметила настроение подруги.

– Не ищи, они, наверное, в город поехали, сменить обстановку, поужинать на берегу. Завтра съездите в Тимну, это действительно стоит. И все, Маша, и все. Ты Алину видела? Он женатый человек, – она сказала это непривычно жестко. – А потому, не строй на него никаких планов.

– Люда, ты с ума сошла! Какие могут быть планы? Мы и виделись-то практически один раз. Ну, погуляли, поели мороженое. Все. Что здесь такого?

– Иногда одного раза более, чем достаточно, – задумчиво произнесла Людмила, словно вспоминая что-то.

И Маша неожиданно почувствовала, как забилося сердце, словно кто-то заглянул ей в душу и прикоснулся к ее мыс-

лям.

– Знаешь, был сериал пару лет назад, по-моему называется "Психологи". Или "Психологини". Что-то в этом духе. Так мне оттуда фраза понравилась одна. Все у нас в голове. Запомни. Хотя, не всегда получается думать правильно.

И Маша вдруг поняла, что очень многого не знает о своей подруге.

После ужина они пошли прогуляться у моря.

– Засиделась я сегодня, да и завтра день очень насыщенный, интересные лекторы, не хотелось бы пропускать.

– А ты обязана быть?

– Я ничего и никому не обязана, это все для меня. Иногда получаешь действительно полезную информацию. Даже очень. А иначе какой смысл было ехать? На тук-туке кататься?

Маша не ответила, вспомнив, как они с Ариком ехали в номер, как гнал этот молодой шофер, с лица которого не сходила улыбка. Как их швыряло из стороны в сторону, как ее кинуло на него с такой силой, что она не смогла удержаться. А ещё она хорошо помнила, что почувствовала в это короткое мгновение. Как сказала Люда? Все у нас в голове. Короткая фраза, которую легко произнести и так же легко запомнить. Но есть моменты, когда она становится абсолютно бесполезной.

Они долго гуляли с Людмилой по кромке воды по совершенно пустынному пляжу, наслаждаясь ласковыми прикос-

новениями низких волн и уворачиваясь от высоких.

– Красота, – мечтательно протянула Люда. – Где ещё можно вот так в октябре, босиком и по воде? Да, нигде. Практически стихи получились.

Она промолчала, а потом неожиданно произнесла:

– Знаешь, Маруся, я тебе никогда не рассказывала, хотя ты и не спрашивала. Там, в прошлой жизни, я была замужем. Он был совсем неплохой, возможно, даже хороший человек. Работал в проектном институте, часто ездил в командировки, без подарков не возвращался. Я никогда не интересовалась, чем он там занимался. О плохом и мыслей не было. После свадьбы я забеременела почти сразу. Выкидыш. Через год второй. Ни разу от него не слышала ни слова, ни упрека. А потом... Потом познакомилась с мужчиной. Он был директором дома культуры, где проводился городской конкурс хоров музыкальных школ. Я и ещё пару учителей были сопровождающими. Там и познакомились. И закрутилось, понеслось. Тайфун, цунами, стихийное бедствие, если одним словом. То ли служебный роман, то ли просто судьба. Не знаю. Дальше ты, наверное, догадалась. Он был женат плюс два. Знаешь, как пишут в анкетах – мальчик и девочка. Хорошие ребята, тоже занимались музыкой – Марк на фортепиано, а Аллочка скрипачка. В моей музыкалке, представляешь?

Она была у меня в группе по теории и сольфеджио, а он – по музлитературе. Привыкла каким-то образом. А к чему не

могла привыкнуть, так это к тому, что обманываю своего мужа. Срывалась иногда беспричинно, орала по каким-то пустякам. А он капал мне валерьянку – выпей, Люсенька, успокойся. Жалел меня, говорил, что с детьми работать непросто. Как я мечтала, чтоб у него кто-нибудь появился, но никогда ни единого компромата: ни запаха духов, ни следа от помады. С работы приходил – часы можно было по нему проверять. И дома – и принесет, и сготовит. Курицу делал фаршированную, с рисом и морковью. Баклажаны мариновал с зеленью и чесноком. А я чувствовала себя гадиной, последней дрянью. Жить с чувством вины очень трудно. А для меня оказалось невозможным. Нет, я ему ничего не рассказала про Виктора, зачем? Просто подала на развод. По сей день не понимаю его реакцию – не было ни вопросов, ни криков, ни скандалов, ни уговоров одуматься. Как-то все тихо, быстро и молча.

– Может быть, он знал или догадывался? – спросила потрясенная Маша.

– Нет, абсолютно точно нет. И не знал, и не догадывался. И никогда бы не узнал, я была очень осмотрительна и осторожна. Мы были очень осмотрительны и осторожны. Берегли покой наших семей. Просто Витя мог с этим жить, а я нет. Вот и все.

– А как он, ну, Виктор, прореагировал на твой развод?

– Как? Да, никак. Просто видется стало проще. Я осталась в нашей квартире, это была квартира моей бабушки, а

Боря собрал чемодан и ушел. Я ведь своим разводом не ставила Виктору никаких условий – типа, я разошлась – теперь твой ход. Я не собиралась ничего рушить в его жизни, прекрасно понимала – такую семью не оставляют. Дети замечательные, способные, воспитанные. Жена архитектор. Красивая женщина. Я видела фото. И мать замечательная, и жена. Это понять несложно, даже если об этом не говорится. Дети-то у меня перед глазами были – выставочные дети. И он приходил всегда чистенький, отутюженный. Ухоженный мужчина. Мужчина, которого любят и о котором заботятся.

Через полгода после развода я поняла, что беременна. После двух выкидышей судьба дала мне шанс.

– А Виктор? Он как это принял?

– На удивление спокойно. Не настаивал на аборте, как будто предполагал такое развитие событий. И я решила рожать. Это не было каким-то продуманным ходом с моей стороны, я заранее знала, что из семьи он не уйдет, даже если я рожу тройню. Но как-то потихоньку стала понимать – между нами что-то происходит и это что-то не со знаком плюс. Хотя нет, не понимать, скорее чувствовать. На первый взгляд, все было, как всегда, даже лучше. Вместо вина и шоколада он стал привозить фрукты, все время повторял, как важны витамины, особенно будущей маме. А я ощущала – что-то назревает. Читала это в его глазах и даже в прикосновениях. Ждала, одним словом и дождалась. Я была в середине восьмого месяца, когда он сообщил, что уезжает в Америку, на постоян-

ное место жительства. Что у него там полно родни, уехавшей ещё в семидесятых. Кто в Нью-Йорке, кто в Далласе. Все замечательно устроены. Он перечислял ещё какие-то города – Филадельфия, Бостон, а я была в каком-то ступоре, плохо соображала, что происходит. Помню только, что спросила: когда?

Он замялся немного, а потом произнес: ровно через месяц. И добавил: нам дали разрешение очень быстро.

По его взгляду я поняла, что это вранье. Выезд – это процесс, в этом я убедилась потом лично, на своем примере. И он об этом выезде знал уже давно. Просто не хотел мне говорить. Это потом я поняла, что с его стороны это было благородно – не хотел расстраивать меня в моем положении.

Он говорил что-то ещё о детях, о том, что с такой фамилией у них нет здесь никакой перспективы. А Аллочке прочат большое будущее. Она очень талантливая скрипачка и в Нью-Йорке сможет учиться в Джульярдской школе.

Я кивала, как китайский болванчик, а он обнял меня и прошептал:

– Ты же у меня умная и все сама понимаешь.

– Я умная, только не у тебя, а у себя, – мне казалось, что я слышу свой голос со стороны. И это был совсем чужой голос.

А потом я попросила его больше не приходить. Совсем. Тихо так попросила, без криков и эмоций.

– А он?

– Попытался обнять, но я ничего не почувствовала от его

прикосновения – как будто лампочка погасла. Горела, горела и вдруг – темнота. И безразличие. Это потом были слезы. И злость, и обида, и непонимание – как он мог так поступить. Сейчас, когда мне до родов осталось так немного. И он уедет, не увидев нашего с ним ребенка. Я восприняла это, как предательство, и это было очень больно.

Мама утешала, как могла. У нее была своя версия происшедшего: она была уверена, что его жена все узнала и организовала этот отъезд, чтобы оторвать его от меня. Сделала все, чтобы сохранить семью. Родители очень не одобряли эту связь, не понимали мой развод с Борей. Мама всегда говорила: чужой муж своим не станет. Семья всегда перетянет. Вот и перетянула – на другой континент.

Маша молчала. Перед ней разворачивался настоящий фильм, а точнее – сериал. Но участниками этого сериала были не какие-то абстрактные персонажи, а ее близкая подруга. Хотя после этой исповеди она засомневалась – близкая ли? Как много она не знала. Не интересовалась или Людмила сразу, в начале их знакомства, выставила шлагбаум – сюда нельзя? Они общались так давно, что вспомнить это не представлялось возможным. Да, скорее всего, этой темы они не касались: Людмила часто рассказывала про работу, про родителей, про сына. На этом все. Она жила настоящим, словно стерла все то, что осталось там, за спиной, в прошлой жизни. Мать-одиночка, каких понаехали десятки тысяч.

– А потом родился Алечка, – продолжила Люда. – На

тридцать седьмой неделе. Он словно чувствовал, что его папа уезжает навсегда и мечтал его увидеть, хотя бы разок.

– Увидел? – с надеждой спросила Маша.

– Нет, ты что. После той встречи я о нем ничего не слышала. Дети его перестали ходить в музыкалку. Он не звонил. Ну, и не появлялся. Та, последняя встреча, и была, по сути, нашим прощанием.

Когда родился Алечка, отступило все – боль, злость, обида. Я была всецело занята сыном. Он оказался похож на моего папу, то есть от Виктора в нем не было ни единой точки. Так, наверное, Бог распорядился, избавив меня от постоянных воспоминаний.

А потом появились проблемы, не появились, конечно, а стали заметны. Это было, как лавина – по возрастающей. Поставили диагноз, который не предполагал улучшения. Где только я с ним не была, по каким специалистам его не таскала. Родители очень помогали, не знаю, что бы я делала без них. А потом они как-то резко сдали, особенно папа – посыпались болячки: одно за другим. Было очень тяжело. Когда Алечке было около пяти, его врач сказала: вам бы уехать, ребенку нужен более профессиональный уход. Насчет лечения не уверена, а вот комфортные условия жизни вам точно обеспечат. К тому же – море и солнце, овощи и фрукты. Езжайте, фамилия позволяет. Родителей уговаривать не пришлось. Они как будто ждали этого толчка с моей стороны. Подали документы, занялись приватизацией квартир, а по-

том и продажей. Все шло, как по маслу, на удивление. Но все равно заняло больше, чем полгода. Я не жалею ни о чем, хотя бы родителей здесь поставили на ноги, насколько это возможно в их возрасте. С врачом очень повезло – знающий, внимательный, да и вообще – медицина на совершенно другом уровне. Тяну их, как могу. Ну, а про Алечку ты все знаешь. Он в хорошем месте, ухожен, просмотрен. Сердце мое спокойно за него. Потому и смогла так окунуться в этот бизнес – он требует больших вложений, ему надо отдаваться, иначе ничего не достигнуть.

Люда посмотрела на часы.

– Ну, и загуляли мы с тобой, Маруся, а завтра рано вставать. У меня первая лекция уже в восемь тридцать, да и вам лучше пораньше выехать, пока попрохладнее. А почему я тебе все это рассказала? Сама не знаю. Наверное, чтобы предупредить – не залипай. Береги свои границы. Это я тебе, как доморощенный психолог говорю. Хотя, чушь все это. Процесс этот неконтролируемый, голова в какой-то момент отключается напрочь. По себе помню. Просто посмотрела на тебя за ужином и мне показалось, что процесс пошел.

– Ты о чем это?

– Все о том, Маруся. Ты, может, ещё ни о чем не догадываешься, а я уже считываю ситуацию. Что, не так?

Маша почувствовала, как лицо залило горячей волной.

– Да, мы такие – музыканты, филологи, и прочие художники, – философски заметила Люда. – ТДО. Слышала?

Маша пожала плечами.

– Тонкая душевная организация. Нам немного надо, чтобы крышу снесло. Мы горазды напридумывать то, чего нет. Нафантазировать, а потом утонуть в этой фантазии. Но кто предупрежден – тот вооружен, а я тебя предупредила.

Маша кивнула, все еще находясь под впечатлением от услышанного. Люда. Такая позитивная и энергичная, всегда с улыбкой и с настроением. Лёгкая, спонтанная, разбирающаяся во многом, начитанная и эрудированная. Как же много пришлось ей пройти в этой жизни. Не сломалась, не ожесточились.

А ещё Маша подумала про эффект бабочки. Если бы тогда, много лет назад, кто-то другой отправился бы на этот городской конкурс хоров, то не встретила бы Люда Виктора. И не было бы этой обжигающей страсти, заставившей ее забыть обо всем. Жила бы она по сей день со своим Борисом, возможно бы родила малыша. И не случилось бы в ее жизни этого тайфуна, этого стихийного бедствия. А было бы тихое ровное существование во вполне благополучной семье, с мужем, фарширующим курицу, маринующим баклажаны и называющим ее Люсенькой. И это был бы не самый плохой вариант.

– Люд, ты что-нибудь слышала о них? О Боре и о Викторе?

– Да, конечно, на одной планете живём. Боря в Германии, женат уже очень давно. Двое взрослых детей. Общие знакомые доложили. А Виктор... Набрела как-то в Фейсбуке на

профиль его жены. Видела фотографии дочери. На сцене, со скрипкой в руках. Красавица. Она и ребенком была чудесным. А про сына ничего – ни строчки, ни фото. Вот и вся информация.

Они, не сговариваясь, свернули к гостинице. Маша молчала, переваривая услышанное. Почему именно сейчас Люда открылась, поделилась историей своей жизни? Хочет предостеречь? Защитить? От чего? Глупости какие. Просто они с Аркадием на этой конференции оказались не у дел. И если бы отель был в центре или если бы у нее была машина... Или если бы, на худой конец, она умела и любила плавать... А так делать ей абсолютно нечего. Ей просто скучно и почему не составить компанию такому же скучающему постояльцу их отеля? Они оба взрослые люди, он женат, она бабушка почти взрослой внучки. И что это Людмила вообразила?

– Маруся, ты завтра с утра тут не копошись, меня не буди.

Людмила вышла из душа привычно обернутая полотенцем. Халатов в этом отеле не было.

– Я тут эсэмэску получила. Мы завтра в 10 начинаем. Хочу отоспаться. Тебе хорошо съездить, место изумительное. Да, воды возьми пару бутылок, как минимум. И фрукты с завтрака не забудь – кафе там по дороге не будет. Спокойной ночи.

На завтрак они с Ариком пришли почти одновременно. Почти всегда занятые столики у бассейна были пусты – народ спал. На бирюзовой воде крошечными звездочками пляса-

ли блики от солнца, приятный ветерок раскачивал верхушки пальм, и Маша подумала: если где-то есть рай, то, наверное, он выглядит именно так и так же пахнет кофе и свежей сдобой.

– Райское утро сегодня, – озвучил ее мысли Аркадий, подойдя к их столику. – Я вот тут сыр принес и яблоки.

– Людмила сказала взять с собой фрукты, – произнесла Маша.

– Ну, раз Людмила сказала, то послушаться мы не можем, – улыбнулся Арик. – Мы, конечно, нарушаем правила, но я надеюсь, что к нам отнесутся снисходительно.

Он обернул яблоки салфетками и положил в рюкзак.

– Кстати, Маша, о вашей подруге. Она считается очень опытным и успешным дистрибьютором.

– Да, она давно этим занимается, и вообще она – молодец! Маша допила сок.

– Я готова.

– Вот и отлично, по коням.

Парк Тимна очаровал Машу своими красками и формами – ничего подобного она просто не ожидала.

– Странно, что я не была здесь ни разу и Ляльку сюда не свозила, – с сожалением протянула она.

– Лялька – это дочка, – ответила она на вопросительный взгляд своего спутника. – Вообще-то она Юля, но в детстве себя называла Ляля. Ну, а здесь она стала Яэль. А Ляля – осталось для дома.

– Да, здесь многие меняют имена, – кивнул Арик. – И не только дети. А ты осталась Машей?

Она кивнула.

– Людмила – единственная, кто называет меня Марусей. Хотя для израильтян мое имя звучит смешно, почти как "который час".

– А, ну да. Почти как у Карцева с Ильченко: как вас зовут? Авас. Помнишь?

– Конечно помню.

– А можно, я тоже буду называть тебя Марусей?

Она растерянно пожала плечами.

– Я все понял. На Марусю есть эксклюзивная лицензия, и она в руках Людмилы. Я согласен на Машу.

Последние слова он произнес очень медленно и тихо, и Маша почувствовала, как ее накрывает теплой волной. Это было совершенно новое ощущение, не посещавшее ее прежде.

Она тряхнула головой, пытаясь стряхнуть с себя наваждение.

– Что-то мы утонули в этой бесконечной теме – имена. Это, конечно, интересно, но не здесь и не сейчас. А здесь надо фотографировать и фотографироваться. Ну-ка, Маша, встань под этот гриб. Это будет шикарное фото. Я щелкну на свой смартфон, а потом тебе скину. Улыбочка.

Возле Соломоновых столбов они столкнулись со стайкой девчонок.

– Простите, вы нас не сфотографируете? – обратилась к Аркадию смуглая красotka в коротких цветастых шортах и белой майке, протягивая ему свой смартфон.

– Почему нет? – он сделал несколько фотографий с разных ракурсов.

– Ой, спасибо большое, – защебетали девчонки. – А теперь мы вас.

– С удовольствием, – Арик передал свой смартфон.

– Встаньте ближе друг к другу и улыбаемся, улыбаемся!

Маша почувствовала на своем плече руку Аркадия и замерла от неожиданности. Они знакомы только второй день. Только второй день...

– Спасибо, милая, – Арик заглянул в смартфон. – Маша, а ты очень фотогеничная и я, если честно, получился совсем неплохо.

– Ты сможешь мне скинуть эти фото сейчас? – попросила Маша. – А то потом забудешь или сотрешь, так часто бывает.

– Во-первых, конечно, могу, давай номер. А во-вторых, почему я должен стирать такие удачные фотографии?

– Ну, мало ли, – замялась Маша и неожиданно для себя решительно добавила:

– Ты же сказал, что женат. И мои фото у тебя в смартфоне...

Арик шутливо схватился за голову:

– Ой, а я и забыл! Боже! Все пропало!

Затем, внезапно став серьезным, спросил:

– Проголодалась? – и, не дождавшись ответа, вновь улыбнулся:

– Наверняка проголодалась, ведь мы завтракали в семь. А потому, хочу пригласить тебя на бранч. Там все объясню.

Они заказали салаты с кусочками жареного сыра, кофе и яблочный пирог.

– Даже не знаю, с чего начать. Понимаешь, Маша, жизнь – это не шаблон, у всех складывается по-разному. У нас сложилось так, как сложилось. Мы с женой уже давно проживаем в разных странах. Когда на чаши весов были положены семья и бизнес, она выбрала последнее. Это началось постепенно: сначала вот такие конференции и съезды, командировки, в которых я не мог ее сопровождать. Эти поездки становились все длиннее, Алина быстро стала очень успешным дистрибьютором. Она любила говорить: ребенка воспитывают не словами, а примером. Пусть Неточка видит, что у нее целеустремленная, деловая и преуспевающая мама. Я не знаю, достигла ли она ожидаемого эффекта – скорее нет, чем да. Дочка не была брошенной – она росла со мной и моей мамой. Но ты, конечно, понимаешь, что это не то, что нужно ребенку, а особенно во время переходного возраста. Было сложно, очень сложно. Это ужасно – чувствовать свою беспомощность, особенно, когда это касается твоего ребенка.

Аркадий замолчал, прикрыв глаза и массируя виски. А Маша вдруг заметила, какие у него длинные пальцы – пальцы пианиста или скрипача.

– Пришлось даже обращаться за помощью к психологу. Тогда, когда моя жена открыла офис в Литве, фактически переехала в Вильнюс и в Израиле бывала лишь короткими наездами. Взвешивался вариант, чтобы отправить Неточку к ней, но дочка категорически отказалась. Ей было тогда пятнадцать. Самое ужасное, что Алину это не очень расстроило. Так мне, во всяком случае, показалось. Ты, наверное, хочешь спросить: почему мы не развелись?

Маша кивнула. Именно этот вопрос крутился у нее на языке, вопрос, задать который она не решалась.

– Сам не знаю. Наверное, не видел в этом смысла. Развод предполагает женитьбу, новую семью. Иначе какой в этом резон? Но тогда я не мог пойти на это из-за дочери. Не мог привести другую женщину в свой дом. Были, конечно, отношения, даже длительные, когда Неточка служила в армии, но эта женщина хотела бóльшего, хотела нормальную семью, и это было нетрудно понять. Как там жила Алина в личном плане? В этом у меня не было сомнений, ты же ее видела. Она интересная эффектная женщина, возраст над которой не властен. Такая женщина навряд ли будет одна. Я никогда не спрашивал, не допытывался. Сначала из гордости, а потом мне это стало неинтересно и безразлично. По-настоящему безразлично.

– Но ты приехал с ней на эту конференцию, зачем? И вы прекрасно общаетесь, я видела в ресторане.

– Да, приехал, давно не был в Эйлате и в Тимне давно

не был, – он улыбнулся. – Ну, а если серьезно, нам надо было обсудить кое-какие важные дела. Мы разводимся, Маша. Этот вопрос встал на повестку дня уже, как пару лет. Мы фактически уже давно перестали быть мужем и женой, и это понятно нам обоим. Вчера вечером были на консультации у одного адвоката. По-моему, даже он до конца не понял, почему все это тянулось столько лет. Да и кто сможет такое понять? И еще, Маша, – он заговорщицки прищурился. – Пока это страшная тайна, а потому, никому – даже твоей подруге, договорились? Мне-то это безразлично, но Алина попросила. Она не хочет пока афишировать свой развод. Видимо, есть свои причины.

– Конечно.

Они помолчали, а потом она спросила:

– А как сейчас дочка?

– Сейчас с ней все в порядке. Отслужила. После службы ещё несколько лет жила со мной. Заботилась, – Аркадий улыбнулся. – Она у меня хозяйюшка и готовит замечательно. И вообще, хорошая добрая девочка. Умничка и очень чуткая, душевная. Отучилась, работает. Она промышленный дизайнер. Рисует прекрасно. И мальчик у нее хороший, живут вместе уже два года. Правда, в другом городе, но навещают, не забывают.

– А она в курсе?

– Конечно, они встречались с Алиной. Я не допытывался, как она ей все это преподнесла, понимаю только, что отно-

шения у них непростые. Но мама всегда остается мамой, даже если она далеко. Нета никогда не слышала от меня ничего в ее адрес – ни осуждения, ни упреков. Я ее никогда против Алины не настраивал. Она всегда, с раннего детства, была рассудительной и умной девочкой и имеет право на свое мнение по поводу происходящего.

– Да, – Маша кивнула. – Иногда наши дети мудрее нас. И одну и ту же ситуацию мы видим совсем по-разному.

Ей почему-то захотелось рассказать о Ляле и ее выборе: и мужа, и образа жизни. Захотелось показать фото Викули и рассказать, какая она тонкая и умная девочка. Но она одернула себя. Кто для нее этот Аркадий, которого она видит второй раз в жизни? Через день они разъедутся и вряд ли увидятся когда-либо. И это глупо – раскрывать душу малознакомому человеку

– Знаешь, Маша, я хочу ещё съездить с тобой в одно место. Если честно, я сам там не был, но друзья очень рекомендовали.

– С удовольствием. Это тоже национальный парк?

– Нет, просто озеро в горах, называется исчезнувшее озеро. Поехали?

Пейзаж оказался необыкновенным: среди беспорядочного нагромождения красных скал, где-то там, далеко внизу, словно спрятанное от посторонних глаз, отдыхало озеро. Именно отдыхало, укрывшись от надоедливых туристов, детских криков и различных плавательных средств, типа ло-

дочек и катамаранов. Увидеть его можно было, лишь подойдя почти к самому краю бездны.

– Маша, осторожно, ради бога!

Она почувствовала, как он взял ее за руку, как переплелись их пальцы и на миг ей показалось, что они – две частички огромного пазла, которые долго лежали на разных концах стола без всякой надежды когда-либо встретиться и вот так совпасть.

Они долго стояли молча, не в силах шевельнуться и отвести взгляд от аквамариновой поверхности озера, местами переходящей в глубокий насыщенный бирюзовый цвет.

Где-то в тридцати метрах от них, совсем близко к краю пропасти, медитировала религиозная пара.

Больше не было никого, и эта тишина вокруг была необыкновенной, физически осязаемой, гипнотизирующей и расслабляющей одновременно. Здесь, на краю этой бездны, совершенно терялось понятие времени и реальности, словно они очутились в каком-то параллельном мире. И это были абсолютно новые, неизведанные ранее ощущения; ничего подобного Маша ранее не испытывала.

– Ну, вот, ты хотела помедитировать, лучшего места, наверное, и нет. Здесь необыкновенная энергетика.

Голос Арика вернул ее к действительности. Она словно вынырнула на поверхность, глубоко вздохнула, желая продлить эти волшебные мгновения.

К машине они шли, не размыкая ладони и это было так

естественно и органично – намного естественнее, если бы они шли просто рядом. Мелькнула мысль, что со своим бывшим мужем они никогда не ходили вот так, переплетая пальцы и чувствуя себя единым целым. Они прожили более двадцати лет, родили дочку, но не сумели сломать невидимую стеночку, разделяющую их. И бесполезно сейчас задаваться вопросом, кто был в этом виноват – она или он? Просто не совпали до конца. Это как в пазле: кажется – вот они, два кусочка картинки, вроде бы, все подходит, но нет... остаётся зазор. И даже если этот зазор в доли миллиметра – картинка не сложится.

Их картинка с мужем не сложилась. Он ушел к женщине, своей ровеснице, старше ее на целых пять лет. И это ерунда, когда говорят, что уходят к молодым. Он сообщил ей тогда об этом достаточно буднично и она так же, буднично, восприняла этот развод. Без драм и трагедий. Без снотворного и антидепрессантов. Делить было особого нечего: небольшую квартиру на юге оставили под сдачу и каждый из них получал на свой счёт половину денег. Такой был договор. Они оба решили, что продать всегда успеют, цены на недвижимость растут. А пока – пассивный доход.

Она помнила, как тогда удивилась Людмила.

– Когда разводятся – рубят все канаты и не оставляют ничего общего, – безапелляционно заявила она.

– У нас есть Лялька, это наше общее и этот факт не изменить. А насчёт квартиры – знающие люди посоветовали.

Продать всегда успеем.

– Вам виднее.

Аркадий галантно открыл перед ней дверь машины.

– Прошу, сеньора Мария.

– Благодарю, дон Аркадий, – она с улыбкой подыграла ему.

Он посмотрел на часы:

– А время-то как пробежало, правда, Маша? – и тихо добавил:

– Счастливые часов не наблюдают.

– А куда сейчас? – спросила Маша, осознав, что ей абсолютно все равно куда, лишь бы находиться рядом с этим мужчиной, о существовании которого она недавно и не подозревала.

– На обед приглашать нет смысла, а вот мороженое можно поесть. Скатаемся в город, а потом в гостиницу.

Они приземлились под зонтиком в прибрежном кафе.

– Маша, – спросил Аркадий неожиданно. – А ты, в принципе, готова к переменам?

– Не поняла, – она вопросительно посмотрела на своего спутника.

– А вот, давай проверим. Я помню, что ты любишь фруктовое мороженое, кстати, я тоже. А вот сегодня предлагаю сломать наши привычки и заказать какой-то другой вкус – ну, к примеру, с соленым миндалем. Что скажешь?

– Скажу, что интересно попробовать, – Маша ответила

мгновенно, не задумываясь.

– А что ты ещё никогда не ела?

– Ромовое. Бельгийский шоколад. С печеньем. Со вкусом тирамису.

Маша ткнула не глядя в картинки на глянцевого меню.

– Если честно, я вообще очень редко ем мороженое. Не потому, что не люблю. Просто пришло время думать, что ты можно есть, а без чего можно обойтись.

– О! Уважаю, – Аркадий посмотрел на нее с интересом. – Вот вы какая, сеньора Мария. А я могу от очень многого отказаться – от рябчиков и ананасов, от супа из плавников акулы и даже от лягушачьих лапок. Но только не от мороженого. Это моя страсть. С детства.

Он смешно прищурился и стал выглядеть, как нашкодивший мальчишка.

А потом, неожиданно став серьезным, спросил:

– Тебе понравилось? Не жалеешь, что поехала?

– Ты что, Арик. Я бы одна в жизни туда не попала. Это было незабываемо. Я тебе очень благодарна.

– Я рад, действительно рад.

Он подозвал официанта, сделал заказ и задумчиво сказал:

– Если бы ты была работодателем, то могла бы уже принять меня на работу. Выложил тебе всю свою биографию. А ты... Кроме того, что ты продаешь сумки и чемоданы, я о тебе ничего не знаю.

– Прямо-таки ничего? – улыбнулась Маша.

– Ну, немного по мелочам – то, что ты любишь горы и фруктовое мороженое, не любишь загорать и плавать. У тебя есть дочь и даже внучка, которая не очень любит темноту, но обожает наряжаться в открытые сарафаны. Тебя не укачивает в машине даже на серпантине и – самое главное – у тебя в подругах Людмила – одна из успешных дистрибьюторов компании. Вроде все.

Он вопросительно посмотрел на Машу.

Она пожала плечами.

– Ну, я даже не знаю, или это будет тебе интересно. Закончила филфак. Уже здесь выучилась на ассистента зубного врача и даже отработала несколько лет. Не пошло, настолько не мое. И вот нашла чисто случайно этот бутик. Помнишь, как у Чуковского: умывальников начальник и мочалок командир?

Он непонимающе кивнул.

– Ну, а я командир чемоданов, сумок и кошельков. Магазин полностью в моем распоряжении. Открываю – закрываю, заказываю товар и даже перед праздниками оформила витрину. Сама, – с гордостью произнесла она. – По-моему получилось удачно. Во всяком случае, неплохо для первого раза. Хозяйку вижу редко, она мне не докучает. Приятная такая полячка, немного нудная, но не катастрофично.

– Ну, насчёт твоего профессионального становления в Израиле мне все понятно. А что вообще? – он запнулся.

– Ты имеешь в виду – на личном фронте?

Он молча кивнул.

– Здесь все менее интересно. Живу одна на съеме. Квартирка небольшая, но уютная, да и место прекрасное – тихо и недалеко от центра. Одно плохо – дочка и внучка далеко, осели в мошаве, прямого автобуса туда нет, только с пересадкой. Если ехать – то в пятницу с ночевкой. Это жутко неудобно, поэтому Викулю вижу совсем не так часто, как хотелось бы.

– А дедушка Вики?

– А, это ты про моего мужа? Он уже почти десять лет бывший. Мы разошлись, сразу после того, как Лялька вышла замуж. Ушел к другой. Служебный роман. Спокойно так расстались, без истерик.

– Ну, то, что он спокойно – это понятно, – осторожно произнес Аркадий. – А ты?

– И я абсолютно спокойно. Даже самой странно. Наверное, это была уже давно видимость семьи, никаких точек соприкосновения. Такое несовпадение, знаешь, как это бывает?

– Догадываюсь, – он кивнул и больше не поднимал эту тему, переключившись на принесенные блюдо с мороженым, ягодами и бельгийскими вафлями.

– Вот взял разное, всего понемногу. Угощайся, Маша. Хотя, подожди, такую красоту стоит сфотографировать и послать нашим девочкам. Да, и продиктуй свой номер, надо сбросить тебе сегодняшние фотографии, – заметил он

небрежно.

В отель они вернулись за два часа до ужина. И снова был тук-тук, правда водителем была молодая девочка, видимо новичок, которая везла их медленно, аккуратно и даже небрежно.

Он помог Маше слезть с машинки, задержав ее руку в своей ладони чуть больше, чем это требовалось. А потом прикоснулся к пальцам лёгким, чуть ощутимым поцелуем.

– Огромное спасибо за такой прекрасный день, один я бы вряд ли поехал.

– Ну, что ты, Арик, это тебе тысяча благодарностей. Я эти виды никогда не забуду: и Тимну, и озеро.

– А ты и не сможешь, – улыбнулся он. – Забыть не сможешь. Сейчас приму душ и скину тебе фото.

– Жду, пока.

Люда уже была в номере.

Она отложила электронную книгу и с интересом посмотрела на подругу.

– Ну, ты загуляла сегодня. На часы смотрела?

– Счастливые часов не наблюдают, – беззаботно ответила Маша словами Аркадия.

– Ну-ну, – понимающе хмыкнула Людмила. – Счастливые – это хорошо. Это, в конечном итоге – смысл нашей жизни.

– А ты что так рано? – перевела тему Маша.

– Ну, во-первых, не рано, а во-вторых, с двух последних лекций я просто ушла. Один нудный невероятно и говорит

всегда об одном и том же, а другую я совершенно не перебарываю – сталкивались пару лет тому назад.

– А ты тоже выступала? – Маша вспомнила, как отзывался о Людмиле Аркадий.

– Естественно, как же без этого. Но моя лекция была до обеда. Рассказать ничего не хочешь?

– Ой, Люд, сначала в душ.

Она долго стояла под упругими струями прохладной воды, потом вымыла голову. Нанесла увлажняющий крем на тело, мягко массируя руки и плечи.

Глянула в зеркало. На нее смотрела женщина самой обыкновенной внешности: волнистые каштановые волосы до плеч – на солнце они отдавали рыжиной. Карие глаза, брови совсем немодной формы, светлая кожа и россыпь веснушек. От этих веснушек она мечтала избавиться чуть ли не с детства, но они оказались упрямее, чем она. Правда, зимой они бледнели и почти исчезали, чтобы вернуться летом.

– По твоим веснушкам можно определять время года, – как-то пошутила Люда и добавила серьезно:

– И не думай от них избавляться – это твоя изюминка, твой шарм.

– Женщина с шармом, – прошептала она, глядя на свое отражение, потом решительно взялась за фен.

До ужина еще есть время, можно поваляться и даже вздремнуть, а лечь с мокрыми волосами – себе дороже.

– И что это ты так долго? Телефон тут твой разрывается:

ватсап за ватсапом.

Маша заглянула. Фотографии. Много фотографий. А ведь она фотографировалась буквально несколько раз. Оказалось, что многое снято без ее ведома, скрытой камерой. Без позирования и дежурной улыбки. А вот и их фото вдвоем – то, что сфотографировали девчонки возле Соломоновых столбов. И ещё одно селфи – возле озера. Опять вдвоем. Она совершенно не помнила про это фото. Мистика.

– Дай-ка посмотреть, – Людмила протянула руку. – Не рассказываешь ничего, хоть на фото полюбуюсь.

– Тимну узнала, а это вы где? – она ткнула пальцем.

– А это озеро. Исчезнувшее озеро. Совершенно необыкновенное место. Волшебное. Тебе точно понравится, – задумчиво протянула Маша. – Место для медитации и молитвы.

– Странно, но не была.

Людмила вернула телефон.

– Ты вечно плачешься, что не фотогеничная, а посмотри, какие удачные фото.

– Фотограф хороший, – улыбнулась Маша.

– Фотограф, может, хороший, но женатый, – отрезала Люда. – И с этим фактом не поспоришь.

– Людочка, так никто и не спорит, – Маша нырнула под простыню. – Да, женатый, он сам мне это доложил. Они с женой живут в разных странах. Так сложилось. Не брак, а фикция.

Ей хотелось рассказать про предстоящий развод Аркадия и Алины, но она вспомнила его просьбу.

– И потом, какое это имеет значение для меня? Я что, замуж собралась, мне что, детей рожать? Ну, провели вместе два дня и дальше что?

– Вот тут я тебе не в помощь. Увидим, что будет дальше. А пока, – Люда ещё раз прошлась по фотографиям. – Могу поделиться своими наблюдениями. Вот, к примеру, твои фото. И кто мне пел длинную и нудную песню о своей нефотогеничности? Нет, ты посмотри, посмотри! Если ты нефотогеничная, то кто да? Да ты просто светишься. И это ещё минимум макияжа. А если тебя накрасить, как положено?

– Как тебя, Людочка? – Маша рассеянно пробежала глазами по фотографиям. Да, действительно, на двух-трёх она получилась вполне себе неплохо. И эти фотографии, где они вместе, тоже очень удачные.

– Ну, насчёт макияжа каждый решает для себя, – философски заметила Люда. – А вот, на что ещё я обратила внимание. Найди ваши фото, там где вы вдвоем. Нашла?

– Ну, да, а что там особенного? Фото, как фото, девочки предложили нас сфотографировать возле Соломоновых столбов.

– Девочки, мальчики, разве в этом дело? Ты на позу посмотри, на вас глянешь – не случайные знакомые, а сложившаяся и абсолютно счастливая пара. И моя эзотерика тут не при чем. Тут чистая психология. У меня за плечами море

вебинаров и парочка курсов по психологии, разбираюсь, можешь мне поверить.

– Так я и не сомневаюсь, Люд, я просто не очень понимаю, что ты там такого нашла. То, что мы улыбаемся? Так на фотграфиях все улыбаются.

– Улыбки тут вообще не при чем. Обрати внимание на положение ваших голов – они соединены в верхней своей части, словно намагничены. Обе, причем, – торжественно провозгласила Люда, назидательно подняв указательный палец. – Плюс его рука на твоём плече. Хотя это менее важно для анализа. Ибо жест этот вполне себе сознательный. Общепринятый такой жест, который ни о чем особо не свидетельствует. А вот ваши головы – это работа подсознания, это знак, что что-то уже там закрутилось и завертелось, хотя, возможно, вы об этом ещё и не подозреваете.

Маша ещё раз перелистала фото – а ведь Люда права. Она никогда не обращала на это внимания.

– Вот-вот, – отреагировала Люда на Машино замешательство. – А что я тебе говорила? Не залипай! Я понимаю, конечно, сказать легко, а на деле... На деле всё идёт иначе.

Маша молчала, понимая что ее лучшая подруга права. Она залипла, насколько можно было употребить это выражение по отношению к человеку, с которым она знакома так мало, но к которому ее так тянуло. Когда это началось?

Когда он купил ей, практически незнакомой женщине, в подарок рапан? Или тогда, когда рассказывал про свою

жизнь? А может, в тук-туке, когда она на крутом повороте почувствовала нечто? То, что романах это называют ударом молнии. Или в горах, возле этого волшебного озера, когда он взял ее за руку и ее накрыло теплой волной и ощущением, какое бывает у затерянного в океане и вдруг увидевшего землю. Или когда спросил ее разрешения называть ее Маруся и поинтересовался, готовы ли она к переменам. Для чего? Чтобы заказать эту необыкновенную плату с мороженым, ягодами и бельгийскими вафлями?

– Тяжёлый случай, – с сочувствием произнесла Людмила, прищурившись.

Ей хотелось возразить, что все намного проще, что Арик разводится со своей успешной женой, и что они даже консультировались у адвоката.

Но вместо этого она вздохнула:

– Люд, на ужин скоро. Одевайся.

– Одеваюсь, одеваюсь. Да, сегодня вечером после ужина у бассейна будет представление. Наше руководство решило нас побаловать. Обещали фокусника, пожирателя огня и покорителей огромных мыльных пузырей. Будет весь бомонд. Так что, давай-ка мы тебя накрасим, как положено. И волосы уложим, в общем, сделаем из тебя принцессу. Надеть-то есть что? Ну, не вот эти твои джинсы-кроссовки, а что-то более, – Людмила выразительно закатила глаза.

– А чем джинсы не подходят? – робко спросила Маша.

– Маруся, не морочь голову. Есть такое понятие – дресс-

код. И на прощальный вечер не приходят в одежде, в которой ты гуляешь в горах. Посмотришь, как наши будут одеты.

– Прощальный? – растерянно произнесла Маша.

– Ну, ты даёшь, подруга. Действительно потеряла счёт времени. Завтра в 12 освобождаем наш номер и пока, Эйлат! Так что, прошу на процедуру превращения Золушки в принцессу.

Процесс превращения удался. На Машу из зеркала смотрела совершенно другая женщина. Про такую можно было сказать "женщина с шармом". Откуда-то появились скулы, изменилась форма глаз и губ.

– А тебе идут стрелочки, – Люда критично оглядела свою работу. – Подколоться бы неплохо. Лобик разгладить и носогубки.

Она встретила недоуменный взгляд Маши.

– Что так смотришь? Или ты поборник естественного старения? Лицо надо поддерживать. Всеми доступными средствами.

– И ты...

– Так я уже давно.

– А мне не говорила никогда, – обиженно протянула Маша.

– А ты и не спрашивала. И вообще, эти темы никто особо не афиширует. К тому же, я была уверена, что ты в курсе. Ну, да ладно! Какие наши годы! Захочешь – порекомендую чудесного врача. Мужчину. Я в таких делах только им дове-

ряю. Хотя, положив руку на сердце, ты и без уколов прекрасно смотришься. Генетика, – Люда покачала головой, словно констатируя факт, который не изменить. – Ну, и подачу правильную никто не отменял. Макияж, прическа, одежда, обувь правильная. Да-да, обувь, не шпильки, конечно, но и не кроссовки твои вечные и бесконечные. А вишенка на торте знаешь что? Твоя осанка, походка и улыбка. Эти три составляющие могут заменить многое. А потому – подбородок выше, спинку держим, не сутулимся, улыбка такая рассеянная, никому и ни о чем. Как будто улыбаешься чему-то, известному только тебе.

– Люда, откуда все это? Да ты уже курсы можешь открывать.

– Я подумаю, – Людмила шутливо присела в реверансе.

– На ужин можешь идти в джинсах, – милостиво разрешила она. – И так все попадают от такой красоты, ну а на вечернее представление, сама понимаешь.

Маша кивнула: конечно.

К ужину подали вино, были речи, и вообще обстановка была праздничная и приподнятая.

– Я чужая на этом празднике жизни, – шепнула Маша.

– Не робей, Маруся. Ты со мной. И вообще, надо стараться быстро приспосабливаться к любой обстановке и вливаться в любую компанию, даже незнакомую. А пока – какое вино предпочитаешь?

– Белое полусладкое.

– И что это я спрашиваю, и так понятно, вино филологов. А вот я буду красное сухое. Начальство расщедрилось, продажи на праздники были на высоте. А вон и твой турист, – Людмила повела глазами в сторону стола с салатами.

Маша подняла глаза и встретилась взглядом с Аркадием. Он улыбнулся и легко ей кивнул.

Что за чертовщина! Она опять почувствовала это новое для себя ощущение: теплая волна, постепенно окутывающая каждую клеточку ее тела.

Видимо, это заметила и Люда, но ничего не сказала, прищурившись и покачав головой.

Представление начиналось через час, и многие пришли на ужин уже одетые весьма нарядно.

– Так, давай по-быстрому, нам еще переодеться надо, ты не забыла?

Они спустились к бассейну прямо к началу представления. Люда была права – джинсы бы здесь не вписались.

Народ был одет красиво, элегантно и изысканно: вечерние платья из тонких, струящихся тканей, дорогие украшения, брендовые сумочки

Им в глаза сразу бросилась Алина: темно-бутылочного цвета платье с открытыми плечами выгодно сочеталось с цветом тщательно уложенных волос, которые, словно шелк, ниспадали на плечи. Правильная обувь, крошечная сумочка на цепочке, изящное, не кричащее ожерелье и неожиданно крупные замысловатые серьги.

И все остальное – точь в точь, как ее учила Люда – прямая спина, гордая посадка головы и лёгкая улыбка.

– Интересно, она натуральная блондинка? – шепнула Маша.

– Я ее и брюнеткой успела застать, и шатенкой. Но мне кажется, что блонд идет ей больше всего. Как говорится, многолетние поиски образа увенчались успехом, – подмигнула Люда и добавила уже серьезным голосом:

– И вообще, она сделанная женщина, во всех отношениях. Женщина, которая сегодня выглядит лучше, чем лет пятнадцать назад. А это говорит, прежде всего, об интеллекте.

А Маша подумала, как все обманчиво, и как эта женщина, кажущаяся окружающим эталоном и примером для подражания, оставила мужа, да что там мужа – дочку оставила. Да, не одну, с папой и бабушкой, но для Маши это было непонятно и совершенно неприемлемо. И вот она блистает здесь, как царица на балу, в сопровождении мужа, совершенно непринужденно чувствуя себя под прицелом восхищенных взглядов окружающих.

Возле бассейна была воздвигнута небольшая импровизированная сцена, а для публики приготовлены круглые столики и неизменные пластиковые стулья со спинками. Ничего подобного Маша не ожидала.

– Как в лучших домах Европы, – пробормотала она, когда они с Людой приземлились за столиком сбоку, в отдалении от сцены – все лучшие места уже были заняты.

– Да, – согласилась Людмила. – У нас пыль в глаза умеют пускать. Ты думаешь, кто за это великолепие заплатит? Покупатель и заплатит. Так оно. Ой, смотри, Маша, что делается, по-моему, нам ещё и фуршет готовят. Но это потом, после представления.

Представление было не длинным – не более часа, но очень насыщенным. Был и обещанный фокусник в старомодном цилиндре и бабочке, и молодой парень в блестящем обтягивающем трико, который ловко управлялся с горящими факелами, и приятная пара – мужчина и женщина, которые сотворяли чудеса с огромными мыльными пузырями. Маша с сожалением вспомнила о внучке – ей бы точно понравилось.

Артистов проводили дружными аплодисментами, и народ двинулся к беседке, где был накрыт фуршетный стол.

– Сиди, Маш, я принесу шампанское.

Люда ушла, и в это время к Маше подошёл Аркадий. Он тоже был наслышан о дресс-коде: никаких джинсов: тонкие светло-серые брюки, красивая рубашка в тончайшую полоску.

– Маша, я не мог не подойти и не выразить свое восхищение. Ты выглядишь прекрасно, нет, не прекрасно, а просто умопомрачительно.

Маша растерянно развела руками:

– Спасибо. Или как надо говорить в столь презентабельном обществе?

– Благодарю, – с улыбкой подсказал Аркадий. – Хотя и

спасибо тоже нормально звучит.

Он поставил на столик маленький поднос с двумя бокалами шампанского.

– Вот, принес для вас. И знаешь, что бы я хотел сейчас больше всего?

– Что?

– Выпить с тобой на брудершафт.

– Ну, вряд ли это здесь возможно, – тихо произнесла Маша, чувствуя, как загорелось ее лицо.

– Да, конечно, но я не теряю надежды, что это случится в ближайшем будущем. Я позвоню, с твоего разрешения.

Маша молча кивнула. Она совершенно не ожидала такого стремительного развития событий.

Аркадий отошел и примкнул к группе что-то оживленно обсуждающих женщин. Судя по всему, он нередко бывал на подобных мероприятиях с женой и не был здесь чужим.

Людмила принесла два бокала с шампанским, фрукты и крошечные шоколадные печенья.

– Опа! – она округлила глаза. – Я там, в толпе, добывала этот напиток богов, а тут – такие дела! И кто это меня опередил?

– Аркадий решил поухаживать, – коротко ответила Маша.

– Смело с его стороны, весьма смело! – было непонятно, чего больше в тоне Людмилы – удивления или осуждения. – И...?

– Что и?

– Ой, Маруся, давай без интриги. Вот прямо так, подошёл, поставил бокалы и ушел? И это после моих трудов тяжких?

– Отметил он твои труды, не волнуйся. Сказал, что я выгляжу не просто прекрасно, а умопомрачительно.

– Мужчина с интеллектом и манерами, такого сегодня днём с огнём... А что ещё?

– А ещё сказал, что мечтает выпить со мной шампанское на брудершафт. И надеется, что это случится в ближайшем будущем.

– Лирики много, романтика бьет ключом, а конкретика?

– Сказал, что позвонит, с моего разрешения.

– Ну, я так понимаю, что разрешение он получил.

– Ну, да. Боже! – Маша в смятении посмотрела на подружку. – Как же он позвонит? А номер телефона?

– Таак, – протянула Люда. – Давай-ка выпьем. Что-то ты поплыла совсем, тебе точно не повредит расслабиться. Лэ-хаим!

Они чокнулись, и бокалы мелодично отозвались тонким звоном.

– Закусывай, – заботливо произнесла Людмила. – Виноград красный, мой любимый. Бери, не стесняйся. А насчёт телефона – кто это тебе кучу фотографий послал на ватсапп? Да ты ему ещё вчера свой номер дала, а он внёс в контакты, и не сомневайся даже. И то, что он женат, ты конечно, помнишь?

Маша кивнула. Как ей хотелось выложить Люде все то,

что поведал ей Аркадий, но она лишь молча взяла в руки второй бокал.

– Лэхаим!

Люда посмотрела изумлённо – это ее Маша, которая к алкоголю относилась равнодушно и даже более, чем равнодушно.

– Лэхаим, – улыбнулась она. – За дружбу, любовь и понимание!

Вечер выдался прохладным, насколько вообще может быть прохладным вечер в Эйлате. С моря дул свежий ветер, и лёгкое, едва ощутимое дыхание осени ощущалось даже в этом южном городе.

– Хорошо-то как, – мечтательно потянулась Людмила. – И вечеринку организовали удачно, и вообще – поездка получилась плодотворной.

– Да, – согласилась Маша. – Надо иногда позволять себе вот так выбираться ненадолго и даже неважно, куда. Спасибо, что вытащила меня.

– Вот-вот, я тебе об этом сколько твержу и все безрезультатно. И я действительно рада, что ты отдохнула и получила удовольствие.

Маша задумалась. Ей нравилось ее место работы, ее маленький магазинчик, в котором она наводила чистоту и красоту. Нравилось встречать покупателей и помогать им с покупками. Но как же отличался ее крошечный мирок от этого мира красивых и успешных людей, которые пересекались

на таких тусовках, обменивались опытом, общались. Которые прекрасно одевались, следили за осанкой и не забывали улыбаться. Люда заметила ее настроение.

– Ты не думай, что все так радужно. Это праздник, а есть каждодневные будни, полные забот. В общем, в каждой работе есть своя рутина. А праздник надо себе позволять. Иначе в этих буднях можно просто завязнуть, как в болоте.

Количество гостей потихоньку редело – народ расходился по номерам.

Люда посмотрела на часы:

– Пора, поздно уже. Завтра после завтрака тронемся. Дорога дальняя, ну, да ничего – доберёмся.

На следующий день после приезда Маша вышла на работу, окунулась в привычные заботы. В ближайшие выходные выбралась к Ляльке – наготовила, как всегда, отвезла подарки.

– Хорошо отдохнула? – спросила дочь за обедом.

– Прекрасно. Ты же видела фото. Очень красивые места – и Тимна, и озеро в горах. При случае поезжайте, только не летом.

Они с Викой привычно погуляли по мошаву, поболтали на разные темы и Маша, отметив, как повзрослела ее внучка, с горечью подумала: ну, ещё несколько лет – и ей нужна будет другая жизнь, другое окружение, выходы с друзьями, другая школа. Ей было странно, как ее дочь этого не понимает. Хотя, кто знает, может, через пару лет они все же поменяют место жительства. Говорить об этом, советовать и настаивать она и не пыталась. Взрослые люди должны ко всему приходить самостоятельно.

Первые пару недель после приезда она ждала звонок. Понимала, что это смешно и глупо, но заглядывала в ватсапп.

Людмила ни о чем не спрашивала, руководствуясь своим девизом: кто хочет рассказать – расскажет сам.

Аркадий позвонил тогда, когда она перестала ждать. Вполне себе нейтральная беседа ни о чем: как дела, как

жизнь, что на работе. Спрашивал в основном он, а она отвечала: коротко, без эмоций. Какие эмоции могут быть с человеком, с которым судьба столкнула ее на пару дней? И о чем она может спросить его – о его шикарной жене? О том, как продвигается развод? О работе? Какой смысл спрашивать о работе, если она даже не знает, где и кем он работает? Он почувствовал ее настроение. Попрощался как-то неловко и скомкано. Обещал позвонить.

Маша долго сидела с телефоном в руках, пытаюсь успокоиться. Что с ней происходит? Чего она ждала в свои годы? Она, которая все это время после развода жила спокойно и, наверное, счастливо. Если бы ее дочь и внучка жили бы с ней в одном городе, она не знает, о чем бы ещё ей мечталось.

Почему же сейчас так гулко бухает сердце и предательски дрожат пальцы? Чужой, абсолютно чужой мужчина, с которым она провела всего лишь два дня. Так ничтожно мало, а оказалось – так много, чтобы понять – вот оно, то, что она подсознательно ждала, отвергая попытки приятельниц познакомить ее с кем-то.

Она не хотела. Не хотела идти на эти дурацкие свидания, о которых была достаточно наслышана. Не хотела слушать про чьих-то детей, непременно успешных и устроенных, про внуков – самых гениальных детей на планете.

Не хотела привыкать к чужому человеку, тянущему за собой воз и тележку сложившихся привычек и устоявшихся понятий. И совсем необязательно, что эти понятия совпадут

с ее системой ценностей... И что эти привычки не будут ее бесить – это тоже совсем не факт.

И что тогда? Бесконечные уступки и компромиссы? Она совсем не была уверена, что готова на все это.

Ее размышления прервал звонок.

– Маша, это снова я, Аркадий. Как-то странно мы поговорили, тебе не кажется?

– Кажется, – прямо ответила она.

– Я вообще не мастак и не любитель телефонных разговоров. Разве что, нужно что-то срочное сообщить или, к примеру, о чем-то договориться.

– Я тоже, – тихо ответила она.

– Значит, ты редкая женщина. А потому, я бы хотел эту редкую женщину пригласить, ну, скажем... – он замялся. – В общем, куда бы тебе хотелось? Кино? Театр?

– Ну, если будет дождь, то можно и в кино. А вообще, я в пасмурную погоду очень люблю гулять возле моря. Воздух такой свежий, ветер, волны!

– Ты знаешь, я тоже, – обрадовался Аркадий. – Как у тебя конец недели? Свободна?

– Да, – Маша почувствовала необыкновенную легкость, словно кто разрезал ножницами путы, тянущие ее к земле.

– Отлично, буду следить за прогнозом и строить программу. Договорились?

– Договорились, – эхом отозвалась Маша. – Пока.

Людмила как будто что-то почувствовала. Позвонила, по-

интересовалась, как дела и что новенького.

– Да ничего, Люд. Опять кружусь на работе; все, как всегда, разве, что на чемоданы спрос упал – не сезон. Зато получили классные сумки из экокожи. Забегай, может, подберешь себе что-то. Лёгкие, вместительные и есть несколько цветов.

– Забегу, – пообещала Люда. – Ну, а что на личном фронте? Состоялся обещанный брудершафт?

– Ты это о чём?

– Да все о том же. Звонил твой Аркадий?

Люда явно отбросила в сторону свои принципы ни о чем не спрашивать и не лезть в душу.

– Ну, во-первых, он не мой, а во-вторых, да звонил.

– Ага, появился, значит. Знаешь, Маруся, я вот что подумала.

Она задумалась.

– Хотя, нет, не по телефону. Ты как после работы сегодня, занята?

– Танцую.

– Ладно, давай завтра. Я подъеду к концу рабочего дня, сумки посмотрю заодно, а потом посидим где-нибудь. Идёт?

– Конечно, буду рада.

Люда подъехала за полчаса до закрытия, пересмотрела все сумки, одобрительно кивая, но в итоге купила небольшой двухцветный рюкзачок.

– Когда с родителями по врачам хожу, очень удобно – ру-

ки свободны, – объяснила она свой выбор. – По-моему, симпатично, нет?

– Как они?

– Как? Как очень старые люди. И нездоровые. Старость вообще здоровой не бывает, – Люда вздохнула. – Но как-то держатся.

– А Алик?

– Аленька тоже обычно, улыбается. Вчера у него была. Меня там вообще встречают чуть ни с цветами, как бывшего члена коллектива. Ладно, поехали. Я тут одно кафе присмотрела, новое, отзывы приятные, можно уже и поужинать там, ты не против?

Кафе оказалось за чертой города. Народу было мало.

– Через часик – другой здесь не протолкнешься, – заметила Люда. – Сначала семьи нахлынут, потом молодежь. Мы удачно приехали.

Они сделали заказ, взяв два разных блюда.

– Знаешь, Маруся, что я тут подумала, – задумчиво начала Людмила. – Я в твоём магазине добавила бы кое-что. Справа от кассы в углу есть место. И вот там вполне можно разместить стеклянную витрину с подсветкой, а там разные аксессуары: не ювелирку, конечно, а дорогую качественную бижутерию. И не очень дорогую тоже можно. Магазин, по сути женский, так почему бы этим не воспользоваться?

– Люда, да ты просто кладезь идей, – восхитились Маша. – Проблема в том, что магазин не мой. Но я поговорю с Рив-

кой.

– Поговори. И про пять процентов с продаж – за идею – тоже поговори.

– Как приятно, когда у тебя в подругах такая немеркантильная особа, – засмеялась Маша.

– Да, тебе определенно повезло, – согласилась Людмила. – Другая на моем месте запросила бы больше.

Они долго ещё перешучивались, обмениваясь незначительными фразами; потом вспоминали Эйлат, тук-тук, поездка на котором напоминала американские горки в в Луна-парке, их номер с вентилятором на потолке, ресторан у бассейна и прощальное представление.

Машу подмывало спросить, о чем Людмила собирается с ней поговорить, но она выжидала: Люда не из тех, у кого проблемы с памятью: захочет – скажет, а нет – так нет.

Они заказали кофе и тонкие сухие печенья, в которых сухофруктов было больше, чем, собственно, печенья.

– Вкусно, правда? Я что-то похожее ела в Праге. На мой вкус, никакие торты не нужны.

Внезапно Люда посерьезнела, задумчиво помешав кофе.

– Да, Маша, так о чем я хотела с тобой поговорить...

Маша терпеливо ждала.

– Я об Аркадии.

Она опять сделала паузу.

– Мы с тобой знакомы так давно, что уже практически сестры.

Маша согласно кивнула.

– Но я тебе ни разу не рассказывала про Виктора. Знаешь, почему? Потому что даже сейчас об этом не просто вспоминать. Больно. Хотя столько воды утекло, что и подумать страшно. И боль уже не та боль, совсем не та. И все же.

Она пригубила кофе, помолчала.

– А рассказала для того, чтобы тебя предостеречь. Ты тоже далеко не девочка, но жизнь, к счастью, не преподнесла тебе такого опыта. Я же вынесла для себя: роман с женатым – это, как прыжок с неправильно сложенным парашютом. Сначала свободное парение, эйфория и восторг, а потом – падение, после которого тебя нет.

– Красивая метафора, – медленно произнесла Маша.

– Да, – подтвердила Люда. – Только в этом сравнении человек погибает. А в жизни – что-то умирает в тебе. Разбивается на куски и кусочки, которые ты потом пытаешься склеить всю жизнь. Но, видимо, такой клей ещё не изобрели.

– А ты пыталась? – тихо спросила Маша.

– Да, конечно. После рождения Аленьки было не до того. Совсем не до того. Но уже здесь было пару попыток.

– И я не знала? – с обидой протянула Маша.

– Ты бы первая знала про что-то серьезное. Но до серьезного не дошло. Конечно, тут много составляющих: мои семейные дела – родители, Алик. Плюс вечная занятость, особенно после того, как я попала в этот бизнес. Но я понимаю, что это все оправдания. Главное – здесь.

Она легонько постучала пальцем по груди.

– Ты что, по сей день любишь Виктора?

– Ну, ты даёшь! – улыбнулась Людмила. – Нет, конечно.

Это период вообще вспоминается, как что-то нереальное в моей жизни, как сон. Волшебный и удивительный сон, который почему-то закончился слезами. Впрочем, ничем другим он и не мог закончиться. Даже, если бы не было его отъезда в Америку. Просто этот урок, который я получила, удивительно отложился здесь, – она указала на голову. – Не знаю, что тому причиной – возможно, это мои личные тараканы, а у других совсем иначе. Скорее всего, это именно так. Во всяком случае, мои немногочисленные попытки оказались неудачными. Я больше не смогла сократить дистанцию, не смогла приблизиться и позволить приблизиться к себе. А если есть дистанция, даже крошечный зазор – настоящие отношения невозможны. Это как пазл – два кусочка должны совпасть. – Людмила помолчала. – Ну, а потом... Потом я научилась наслаждаться свободой. Многочисленные поездки, общение, новые знакомства. И домашние дела никто не отменял. В общем, на сегодня это моя жизнь и нет никаких планов менять ее ни на йоту.

Маша ждала. Она понимала, что все это – лишь предисловие к главному.

– Да, мне удалось переплавить мое одиночество в свободу, – продолжила Люда. – И я абсолютно не ищу и не жду изменений в своей жизни. И, если честно, мне казалось, что

ты тоже. Не ищешь и не ждешь. Но в Эйлате я поняла другое. Я видела, как горели твои глаза, как изменились движения. Это называется языком тела и это все происходит бессознательно. Тело иногда выступает предателем, оно раскрывает все наши тайны. Все наши мысли и желания. В общем, ты для меня была там совершенно прозрачной и легко читаемой. Любовь с первого взгляда? В твоём возрасте? Наверное, бывает, хотя маловероятно. Но то, что он тебя зацепил, было видно невооруженным взглядом. И тогда я рассказала тебе свою историю, о которой предпочитаю не думать и не вспоминать. Зачем? Чтобы не споткнулась ты о мои грабли.

– Людочка, – чуть слышно прошептала Маша. – В нашей жизни у каждого свои грабли. И нет человека, который бы не споткнулся.

– Да, наверное, – кивнула Людмила. – Спотыкаются все, только падают по-разному. Кто-то упал – отряхнулся и потопал себе дальше. А есть такие, которые потом остаток жизнь собирают себя по кусочкам. Ты, по-моему, из последних. А потом, в тот последний вечер, с фуршетом, я поняла, что не имею никакого права влезать в твою жизнь. Ты все равно все сделаешь по-своему и знаешь что, Маруся? Ты будешь абсолютно права. А потому – не слушай меня. Это я тогда, молодая дура, тратила свое время на семейного мужчину. И это была огромная ошибка. Хотя не знаю, можно ли называть ошибкой любовь. А ты? Чем ты рискуешь? Детей тебе с ним не рожать, спешить некуда, да и незачем, если посмотреть. А

самое главное — эта жена так далеко, а значит, можно не пугаться своей тени, ходить, не таясь и не прячась. И чувствовать себя счастливой. Разные территории, нет этого удушающего быта, общего счета и проблем. Чем плохо? Встретились в конце недели, погуляли, посидели где-нибудь, поужинали, съездили к морю. Появится интерес в жизни, мотивация и одеться модно, и причесаться по-новому.

— Люд, по-моему, ты явно преувеличиваешь и вообще опережаешь события. Ну, позвонил он. Один раз за все время. И что из этого?

— А это мы увидим, время покажет. В общем, Маруся, живи сегодня, не заморачивайся. Просто плыви по течению, а там сама почувствуешь, надо ли оно тебе. Не твое твоим не будет, помнишь?

Маша благодарно кивнула:

— Спасибо, Людочка, за поддержку.

Они посидели еще немного, болтая на отвлеченные темы.

Дома Маша до полуночи сидела перед телевизором, бездумно прыгая с канала на канал и прокручивая в голове разговор с Людой.

Да, надо просто плыть по течению, ничего не планируя и не ожидая. Вспомнилась пословица на иврите: нет ожиданий — нет разочарований.

Вроде бы, так легко и просто. И так сложно. Легко не ждать ничего от абсолютно чужих людей. Но с сокращением дистанции растут ожидания.

Она долго не могла уснуть, но спала крепко и проснулась необыкновенно бодрой.

Пятница. Как всегда, хлопотливый день: для большинства именно пятница – день покупок и просто праздного шатания по магазинам. Именно по пятницам ее навещала Ривка – всегда внезапно, без предупреждения; сидела возле кассы, наблюдая, как она общается с покупательницами. Маша спиной чувствовала ее внимательный взгляд, и это очень напрягало, особенно первое время.

Как-то пожаловалась Людмиле.

– А что ты хотела? Это ее бизнес, она должна знать, как ты работаешь. Пару раз в месяц это вполне можно вынести. А представь, что она надзирала бы за тобой ежедневно. Так что, радуйся.

Людмила, конечно, была права, и со временем Маша привыкла и к этим неожиданным визитам, и к этим взглядам и покачиваниям головы, по которым невозможно было понять, довольна она или нет.

Если придет сегодня, надо не забыть обсудить с ней идею Люды о продаже бижутерии – место действительно есть и просто просится поставить туда витрину.

Странно, что эта мысль не приходила ей в голову раньше. А вот Людмила зашла, оглянулась по сторонам и сразу сгенерировала идею. Как это называется сегодня? Креативное мышление? Умение увидеть вещи, просто лежащие на поверхности? Все точно, как в жизни: как часто мы не видим

и не замечаем такого простого и такого важного; того, что находится буквально под носом. А думаем и мечтаем о чем-то заоблачном и нереальном, прикладываем нечеловеческие усилия, чтобы достигнуть то призрачное, что находится где-то там, за горизонтом, порой воспринимая за реальность миражи.

Ривка не пришла и не позвонила, зато пришла эсэмэска от ее дочери Ханы, которую она видела пару раз за все время.

"Надо встретиться и поговорить."

Маша улыбалась покупательницам, расхваливала новый товар, а в голове тревожно билась мысль: что случилось?

Был такой старый фильм – "Доживём до понедельника". Ей надо было с этими мыслями дожить до вторника. Хана ничего не объяснила, лишь написала, что подъедет в магазин к двум, после закрытия. Вторник – короткий день, и его она, как правило, использовала для своих дел. Теперь все придется отложить.

Домой вернулась измотанная. Долго стояла под душем, смывая с себя напряжение прошедшего дня. Фантазировала, прокручивая различные варианты, но в голову ничего не приходило.

К вечеру позвонил Аркадий.

– Все в силе на завтра? Я посмотрел прогноз. Погода, как по заказу: облачно, ветрено и без осадков. Дождь обещают только к ночи. Значит, едем на море?

– Да, – она ответила как-то вяло, и он сразу считал ее на-

строение.

– Маша, точно все в порядке? Или что-то случилось?

– Нет, все нормально, расскажу завтра.

– Заинтриговала, ночь не буду спать. Думаю, что часиков в десять утра будет гуманно?

– Да, вполне, – улыбнулась она.

– Вот и отлично, приеду позвоню. Осталось только записать адрес. Да, и зонтик не забудь, на всякий случай, вдруг ливанет.

Он приехал вовремя, стоял и ждал ее возле машины. Невесомое объятие, похожее на прикосновения крыльев мотылька, галантно распахнутая дверь:

– Прошу, сеньора Мария!

На пляже было пусто. Они, не спеша, прошлись по мокрому песку, любуясь высоченными волнами, оставляющими после себя кружевную пену. Маша лишний раз изумилась, каким разным может быть цвет воды, в зависимости от освещения, времени суток и погоды. Она любила зимнее море, безлюдный пляж, этот необыкновенный, какой-то пронзительно-серый оттенок волн, эти нависшие тяжёлыми громадами тучи, закрывающие горизонт.

– Кажется, дождь собирается, – озабоченно произнес Аркадий, увернувшись от очередной волны. – Тебе не холодно?

– Да, нет, у меня куртка теплая. И шарф.

Маша почувствовала прикосновение его руки – не робкое и бесплотное, а уверенное, внезапное затопившее теплом и

нежностью всю ее, без остатка.

А ещё она ощутила какую-то уверенность и защищённость, и это было совершенно новое чувство, которое ей, такой взрослой женщине, не довелось испытать. Разве что когда-то, в далёком детстве, когда бабушка поглаживала ее по спине и тихонько бормотала: спи, Машуня, засыпай. Эти слова водили хороводы в ее голове, и она засыпала очень быстро. Вот, пожалуй, и все.

Мама с папой вечно работали, и она частенько была предоставлена сама себе. Замужество ничем новым не порадовало. Две параллельные линии, такие близкие и такие далекие друг от друга.

Как там говорила Людмила? Если есть крошечный зазор, пазл не сложится. И не было в ее браке ни тепла, ни нежности, ни ощущения защищенности. Может, поэтому и Лялька осталась одна – ни братьев, ни сестер. Она никогда не будет тетей, а у Викули никогда не будет двоюродных. Ошибка? Наверное, да. Но этого уже изменить. Значит, лучше не думать.

– Маша, – голос Аркадия отвлек ее от воспоминаний.

Он посмотрел на низкое, темное небо.

– А ведь дождь уже не собирается, а начинается, чувствуешь?

Она кивнула. Надо спешить, зонт остался в машине, а вымокнуть до нитки ей не хотелось. Судя по тяжелым набухшим тучам, это будет не дождь, а настоящий ливень.

– Побежали греться, – весело предложил Аркадий. – Тут на берегу маленькая кофейня с замечательным кофе, прекрасным чизкейком и теплым яблочным штруделем. Помому, то, что надо.

В кофейне было пусто. Они выбрали место у окна, сделали заказ, наблюдая, как вскипело море от внезапно обрушившегося ливня, и как вдруг стало темно.

Хозяин не стал включать свет, а принес к ним на столик низкий керамический подсвечник с горящей свечой.

– Романтик, – улыбнулся Аркадий, провожая его глазами. – Я его давненько знаю, столько, сколько живу в этой квартире. Хороший мужик. Место маленькое, но насиженное. Народ всегда клубится, поэтому нам сегодня повезло – посидеть вот так, в тишине.

– Так ты здесь живешь?

– Да, недалеко совсем, – он неопределенно взмахнул рукой. – Море видно прямо с балкона. И вот такие прогулки для меня – дело привычное.

– Здорово, – протянула Маша. – Я тоже пыталась ходить регулярно, но в городе это сложнее. Одни и те же улицы, скукота.

– Да, – с готовностью кивнул Аркадий. – Море – оно всегда разное. И чашечка кофе утром здесь, у Рони, – это заряд на целый день. Для меня, во всяком случае, – добавил он.

Они помолчали, наблюдая, как колеблется пламя свечи.

Ветер усилился – это было видно по верхушкам пальм,

которые упрямо сопротивлялись стихии. Небо стало немного светлее и перестало быть единой монолитной громадой, зависшей над водой, а превратилось в огромные бесформенные тучи, гонимые ветром с невероятной скоростью. Это было завораживающее зрелище.

– Тучки небесные – вечные странники, – вполголоса декламировал Аркадий. – Красиво, правда?

– Очень, – Маша, не отрываясь смотрела на море. – Если честно, я такое зрелище вижу впервые. И такие волны, и такой ливень на море, и эти тучи. Спасибо за этот спектакль.

– Ну, за это надо благодарить не меня, это зрелище совсем не моя заслуга. Это ты молодец, что предложила. Кстати, о спектаклях. Как ты отнесешься, если я приглашу тебя в Тель-Авив на премьеру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.